

Алушта * Судак

Г. СЕРГЕЕВА

АЛУШТА — СУДАК

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРЫМ» ♦ СИМФЕРОПОЛЬ—1970

Автор путеводителя журналист Г. Сергеева приглашает вас в юго-восточный Крым — удивительный край голубых скал, уютных бухт, малохоженных троп.

Книга рассказывает об этой богатой, цветущей земле, о древней и новой ее истории, о приобретающих облик современных курортов приморских селах Солнечногорском, Малореченском, Рыбачьем, Морском.

Мы отправляемся в путь с восточной окраины Алушты, откуда убегает в юго-восточный Крым Судакское шоссе. По сравнению с троллейбусной трассой оно куда менее оживлено, а несколько лет назад можно было долго не встретить здесь ни одной машины, кроме тех, которые имели местную, рабочую «прописку».

Для отдыха, для путешествий побережье между Алуштой и Судакком было освоено гораздо позже, чем окрестности Ялты, Алушта, Гурзуф, Евпатория или Феодосия.

Десяток-другой лет назад трудно было предложить увлекательную прогулку в эти места бесконечных голых холмов и долгих километров пустынной курортной целины.

Сейчас склоны холмов поросли кустарником, часто врезаны в них квадраты виноградных плантаций. Вас встретят радостно-зеленые, щедрые, гостеприимные долины, богатые села, пансионаты, лагеря отдыха. Шоссе поведет в живописную местность, а тропинки — в красивые малоизвестные уголки Крыма. Заповедные рощи древовидного можжевельника и терпентинного дерева в Семидворье и Канакской балке, сосны Стан-

кевича около Судака и столетние тисы в ущелье Хап-хал, водопад Джур-Джур, самый мощный в Крыму, и редкие по красоте новосветские бухты — пейзажи, один другого своеобразней, откроет перед вами побережье между Алуштой и Судаком, земля еще мало хоженная, почти не описанная, но уже имеющая искренних приверженцев.

О КРАЕ, КОТОРЫЙ ЛЕЖИТ ПЕРЕД НАМИ

Его координаты. Западная граница Южного берега Крыма (мыс Айя) утверждена краеведами и географами бесспорно. Восточная определяется по-разному. Одни проводят ее у села Рыбачьего, другие отодвигают еще дальше, до Судака и даже до Планерского, третьи, наоборот, приближают к Алуште, проводя рубеж у Судакских ворот. На наш взгляд, правы именно последние. В самом деле, ведь физико-географическое районирование Крыма специалисты увязывают с особенностями рельефа той или иной его части. А несхожесть местности к западу от Алушты и к востоку от нее заметна даже при самом беглом взгляде. Восточнее Алушты Главная гряда Крымских гор, понижаясь, значительно отступает от береговой полосы. И до самого Судака — чередование хребтов, холмов, просторных долин в руслах рек, а с севера — Караби-яйла, самая обширная из крымских яйл.

Юго-восточное побережье менее защищено от северных ветров, что накладывает отпечаток на климат этой части полуострова. Зима здесь холодней, чем в окрестностях Ялты, а лето жарче, ветры дуют чаще и стремительнее. Осадков значительно меньше — от Алушты до Судака самый засушливый участок побе-

режья. Характер растительности тоже иной — нет пышной, буйной зелени, хотя практически и в условиях этого климата могут произрастать те же экзотические растения, которым во многом обязан громкой своей славой наш Южный берег.

Административно часть сел, которые мы встретим на пути — Солнечногорское, Генеральское, Малореченское, Рыбачье, Приветное, — подчинена Алуштинскому горсовету, а Морское, Ворон, Веселое — Феодосийскому.

Проезжать мы будем земли совхозов «Алушта», «Лучистое», «Малореченский», «Приветный», «Морской», «Веселовский», эфирсовхоза «Крымская роза» и совхоза «Судак»,

«Унылая, безотрадная земля». Так когда-то отзывались некоторые краеведы и путешественники о побережье между Алуштой и Судаксом, и если определять маршруты будущих путешествий по их книгам, то вряд ли они позовут в этот край.

Выдающийся русский геолог, знаток полуострова Н. А. Головкинский пишет в своем «Путеводителе по Крыму» о пустынных холмах, «наводящих уныние на путника». Краевед и писатель Е. Л. Марков в превосходных «Очерках Крыма» характеризует эту часть побережья как местность «дикую» и не советует вообще сюда ехать.

Подробно исследовал нехоженые тропы Крыма профессор И. И. Пузанов. По его мнению, между Алуштой и Судаксом ничто не радует глаз, все безотрадно, уныло и консервативно.

Правда, существовала и иная точка зрения. И. М. Муравьев-Апостол, путешествовавший по Крыму в 1823 году, отмечал «восхищенным словом» все побе-

режье от Фороса до Коктебеля. Еще раньше, в 1799 году, проехал от Судака до Алушты П. И. Сумароков, председатель Таврической судебной палаты, племянник известного поэта, считавший немного поэтом и себя. Он любовался «хребтами гор, покрытыми лесом, стремнинами да ущельями», можжевельными рощами в долине реки Шелен, Малореченской веселой долиной, окруженной «разнообразными» горами. Известный ученый, естествоиспытатель, путешественник П. С. Паллас в 1793 году надолго задержался у Семидворья, где на уступе горы «веял необыкновенно теплый воздух, росли высокие терпентинные деревья и множество черных можжевельных деревьев». Паллас отмечал также «приятную и теплую» долину у села Рыбачьего и полноводную речку Канаку.

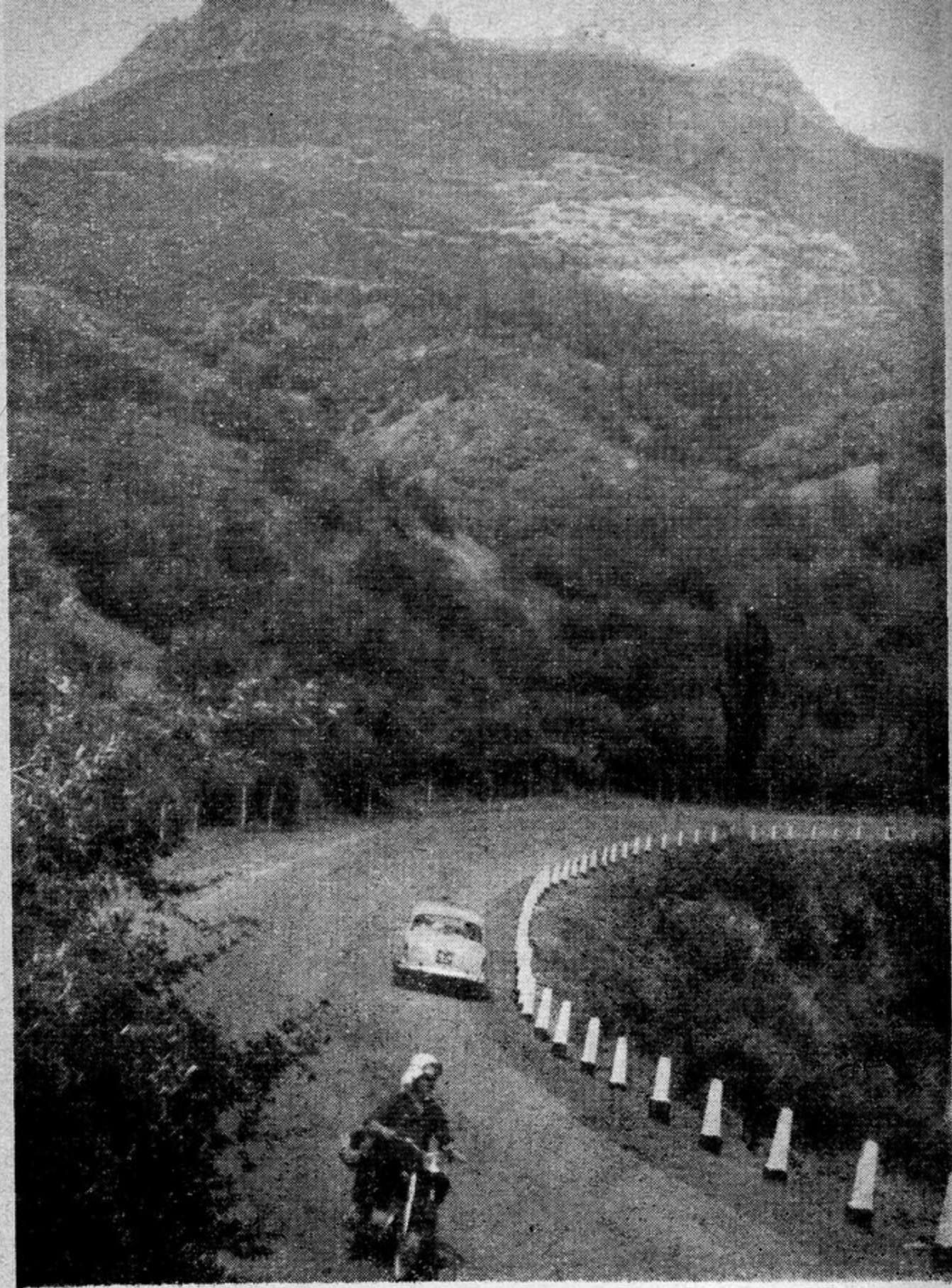
Почему же так противоречиво мнение об одном и том же крае? Старая истина «о вкусах не спорят» ничего не проясняет. И Головкинский, и Марков, и Пузанов побывали здесь почти на сто лет позже, чем Муравьев-Апостол, Сумароков и Паллас.

За столетие этот край неузнаваемо изменился. Были хищнически вырублены леса, высохли реки, оскудела земля. Чему уж тут радовать взор?..

Какова же теперь эта земля, некогда прекрасная, покрытая могучими лесами, а потом унылая, безотрадная?

С Судакского перевала она широко открывается уходящими в море холмами. Склоны ближних ровненькие, и лишь кое-где еще проглядывают бурные заплаты. Дальние холмы серо-сиреневые; они прячут долины с богатыми, благоустроенными селами. Справа внизу виднеются корпуса пансионатов; к самому морю выбегают домики и палатки лагерей отдыха.

Почти весь год цветет эта земля. В январе здесь можно собирать подснежники; в феврале цветут миндаль и кизил, в марте — черешня, слива, персик; в мае все заполняют яркие, буйные краски, а осенью до декабря деревья не спешат сбросить листву, расцвечивая склоны то буро-желтым, то багряным; а то вдруг в балочке при дороге неожиданно и пронзительно полыхнет деревце желтым и розовым...

В лесах и садах поют дрозды, каменки, горные овсянки, скворцы, отсчитывает кому-то век кукушка. На склоны Караби-яйлы нет-нет да и ляжет тень орла или грифа. В верховья балок забредают из заповедных лесов олени, косули, муфлоны, кабаны. Горные тропинки пересекает длинное, гибкое тело куницы каменной; вдруг мелькнет среди нагромождения камней оранжевая лисица; в окрестностях Малореченского, Рыбачьего, Приветного много зайцев.

В общем юго-восточный Крым — земля совсем не пустынная, своеобразная, меняющая свой облик.

Штрихи давней истории. Древний человек находил в этом крае все необходимое для жизни: богатые горные луга, леса, тепло, пищу. Те первые люди селились среди гор, в пещерах и у моря. На берегах Новосветской бухты были найдены кремневые орудия неандертальцев. А в Туакской пещере, на южных склонах Караби-яйлы, выше села Рыбачьего, археологи нашли керамику эпохи бронзы и раннего железа.

Туакская пещера издавна привлекала путешественников и краеведов. Из поколения в поколение передавалась легенда о том, как целый народ был загнан завоевателями в эту пещеру и почти весь погиб там.

В начале пути из Алушты в Судак.

Завоеватели... Сколько их прошло через эту землю! Приходили они и уходили, оставляя и не оставляя после себя следов.

От самых древних известных нам обитателей Крыма — киммерийцев осталось немного, пожалуй, только их имя. Таврам, жившим на полуострове в первом тысячелетии до нашей эры, повезло больше. Их история, хотя и с пробелами, но прочитана по памятникам. Таврские убежища и могильники открыты в нескольких местах юго-восточного побережья. В VI—V веках до нашей эры на крымских берегах обосновались древние греки. Гремела далеко за морем слава Херсонеса, Пантикапея. В этих бухтах было потише. Но и здесь земля хранит следы древнегреческих поселений.

Есть в одном из рассказов Сергея Воронина такие строки: «И были здесь и греки, и турки, и татаро-монголы, и за каким-то лесом генуэзцы». Это сказано о Таманском полуострове, о древнерусской Тмутаракани, но вполне может быть отнесено и к юго-восточному Крыму.

III, IV, VII, VIII, XI века нашей эры. На полуострове пылают пожары. Пламя поддерживают готы и гунны, хазары и половцы.

XIII век. Мчатся по степям и долинам всадники, пригнувшись к гривам низкорослых коней. Нашествие татаро-монголов. Войны ради грабежа и захвата, бесконечные караваны невольников. Снова горит, стонет крымская земля...

Спустя еще столетие юго-восточным побережьем завладели генуэзцы. По договору с татарами они получили Сугдею (Судак) и восемнадцать селений в окрестностях города. Хищные, жестокие, жадные генуэзцы вскоре почувствовали себя здесь полновластными хозяе-

вами. Скупая у татар пленников, они затем продавали их в заморское рабство.

Звенели кандалы полоненных. Вспыхивали народные восстания.

А на Крым уже зарился новый завоеватель — Турция. В 1475 году турецкая эскадра подошла к берегам полуострова. В вассальную зависимость от турок попало все Причерноморье.

Потом пошла жизнь глухая, медленная; нанизывались лениво год за годом десятилетия. Много еще испытаний выпало на долю этого края...

В 1783 году Крым был присоединен к России. Вступление под ее защиту не принесло, однако, расцвета юго-восточному Крыму, отдаленному от основных магистралей полуострова. Разоренный этот край с его бездорожьем не привлек внимания вельмож и чиновников. Только плодороднейшая долина села Морского стала владением правителя потемкинской канцелярии Попова да Малореченское было пожаловано отставному лекарю, а Солнечногорское — камердинеру императрицы Козлову. Остальные земли, избежав участи «злосчастных десятков сажень, вкрапленных в помещичьи дачи», были общественные, общинные. Но это не облегчило судьбу работавших на них крестьян. Земля вроде бы своя, и тот труд, который вложил в нее, и урожай тоже принадлежат земледельцу. А по осени всю прибыль приходилось перекладывать в чужой карман. Подати душили. Выплачивались государственные и поземельные налоги, земский сбор, страховые платежи, сельский сбор. Все вместе складывалось в тысячи рублей. На следующий год недоимки увеличивали сумму, и так — десятилетиями. За виноград, табак, фрукты перекупщики платили гроши.

Жестокая борьба с голодом и нищетой составляла содержание жизни здешних поселян.

Были, правда, в этих местах школы — так называемые «низшие». Однако, как утверждали даже царские чиновники, «сумма знаний, сообщаемых ими, не могла повести за пределы своей деревни».

Была больница, одна на несколько сел. Помещалась она в маленькой полутемной комнатенке. Над ней — кофейня. Внизу работали шерстобиты. Пыль, грязь, шум...

Отчаявшись выбиться из нищеты, зверели. Волостные суды не успевали разбирать тяжбы крестьян.

С 1889 года, когда было проложено алуштинско-судакское шоссе, этот край стали чаще посещать путешественники. Они называли юго-восточный Крым архаичным, глухим, отсталым. Иногда бытом его приглашали полюбоваться. Приглашали всерьез, без тени иронии, выдавая отсталость за самобытность. Одни смотрели равнодушно, чтобы тут же забыть. Другие всматривались, анализировали, пытались нащупать выход.

Губернские статистики, обследуя в начале нашего века села Рыбачье и Приветное, пришли к выводу, что население этих сел «совершенно не обеспечено и не может быть уверено в завтрашнем дне». Выход? «Избавить население от скупщиков-комиссионеров, широко организовать дешевый кредит», построить дороги и пристани.

Выводы губернских статистиков равнодушно читали царские чиновники. Прочитали, подшили в дело...

По-прежнему шныряли по селам вымогатели-комиссионеры.

Не было кредита. Не строились дороги и пристани.

Заре навстречу. Свобода, справедливость — кто несет их? Не сразу, не просто решили этот вопрос в бесправных, глухих селах. Казалось, само это бесправие, нищета, давившая многопудовой глыбой, не оставляли времени для раздумий. Но люди думали, искали выход. В начале нашего века не статистики, пассивно констатирующие бедственное положение сел, а небольшие листки бумаги — прокламации — впервые сказали правду об источнике всех бед. «Вас грабит правительство», — говорилось в них, и это было единственной правдой. «Правительство дало вам ничтожные наделы земли». Это тоже правда — свыше одной десятины имела только половина жителей. «Правительство выколачивает из этих крох земли и тех крох, что она дает, последние гроши непомерными налогами и платежами». И это верно — достаточно вспомнить те тысячи, в которые складывались для каждого села государственный, поземельный и прочие налоги.

Маленькие, тонкие листки бумаги... Непривычный заголовок: «Рабы взбунтовались!», или «Пора кончать!», или «Жертвы царизма». Непривычное обращение — граждане, товарищи... Весь Ялтинский и Феодосийский уезды, в которые входили села юго-восточного Крыма, читают прокламации. Слушают агитаторов — среди рабочих, бесконечно ремонтирующих захудалые дороги юго-восточного Крыма, есть «неблагодарные», за которыми охотится царская охранка.

...1905 год. Первая русская революция. Отсвет красного знамени, поднятого на гафеле броненосца «Потемкин», лег и на эти берега.

Волнуются крымские села. Малореченские крестьяне запахивают земли помещика Княжевича. А по-

том снова накатываются годы нищеты и бесправия. Но заря, сверкнувшая на горизонте, уже вселила надежду на лучшее будущее.

В 1917 году оно пришло. Однако старый мир сдался не сразу. Еще держалась в Крыму власть угнетателей. Еще формировались буржуазно-националистические правительства. Трудовой Крым, уже пробужденный большевиками к борьбе за новую жизнь, отстаивал завоевания революции с оружием в руках.

...1920 год. На полуострове врангелевцы. Грабежи, бесчинства пьяных стражников по деревням, мобилизация одна другой «тотальной», работа на богачей — только они и получили землю.

Полуостров боролся. Боролись и села юго-восточного Крыма. Они не желали отдавать ненасытному барону сыновей в солдаты, хлеб, виноград — на пропитание.

В Приветное послан экспедиционный отряд. Через два дня белогвардейцы вынуждены были убраться ни с чем. Агент врангелевской контрразведки Головин доносил черному барону: «...Вся деревня не дала ни единого добровольца, ни одной лошади, ни одного дезертира, которые сотнями скрываются в деревне».

А в Морском фельдшер Кротюк, отец бойца Красной Армии, выдавал справки, спасавшие от призыва в армию Врангеля. Явившихся сюда белогвардейцев жители села встретили огнем.

Осенью 1920 года Красная Армия изгнала Врангеля с полуострова.

Советская власть отдала землю тем, кто столетиями поливал ее потом и кровью. Им предоставлялось право строить свою жизнь так, как найдут для себя лучшим. Годы борьбы не ушли еще в прошлое, а содержанием настоящего стали мир и свобода. Главные приметы времени отразились и в именах первых объединений свободных тружеников. Товарищества, артели, а потом колхозы назывались «Красный партизан», «Новая жизнь», имени Интернационала и т. д.

Государство рабочих и крестьян объявило тружеников хозяевами новой жизни. Жители села Ворон, еще недавно, по их словам, «совершенно заброшенные», ожили с приходом Советской власти и теперь ни в коем случае не желали быть «вдали от государства».

Государство щедро помогало крымским селам. Как и по всей стране, одна за другой появлялись здесь приметы нового. Строились школы, больницы, избы-читальни, клубы. В том же селе Ворон, где грамотных до революции было менее десятка, за парты сели 115 учеников, да еще 15 женщин в короткий срок обучил грамоте избач Акимов.

На виноградниках прокладывают борозды тракторы. Еще десятилетие — и во многие дома приходит радио. Открываются магазины и детские площадки. Обучаются на курсах специалисты-виноградари, садоводы, табаководы.

Хозяйства юго-восточного Крыма крепнут экономически. В тридцатые годы колхоз в селе Приветном имеет свыше миллиона рублей дохода, колхоз имени Ленина (село Малореченское) — более полумиллиона. И это в тех самых селах, где еще полтора десятилетия назад и цифр-то таких не слышали, а тысячами мерили только налоги да недоимки.

В большую жизнь, к интереснейшим событиям ведут теперь дороги: в Алушту — на съезд сельских комитетов, в Симферополь — на республиканское совещание работников сельского хозяйства. А в 1939 году приветненцы провожают своих земляков в Москву, на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Передовые труженики села Рыбачьего — тоже участники выставки.

Годы грозные. Военные историки в своих исследованиях, посвященных Великой Отечественной войне, почти не упоминают о событиях, происходивших на побережье между Алуштой и Судакком. А между тем и здесь шли бои.

1941 год. Враг уже в Крыму. От Судака отходит к Алуште 48-я Отдельная кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора Д. И. Аверкина и другие подразделения. Алушта в руках врага. Принято решение взять город штурмом и, если не удастся удержать его, пробиваться к Севастополю.

Прорыв не удался. Дивизии грозит окружение. Фашисты перерезают горные дороги, шныряют по склонам Демерджи, простреливают ущелья, балки. Советские воины с боями уходят в горы к партизанам.

Гитлеровские оккупанты обрушили на села насилие, убийства, грабежи. Из богатейших винных подвалов Морского, Рыбачьего, Малореченского вывезены тысячи бочек вина; хозяйства лишились тысяч тонн фруктов, винограда, табака. Разрушены механизированные табачные сараи; в зданиях малореченской больницы и приветненской школы гитлеровцы устроили конюшни.

Лучшие люди юго-восточного Крыма уходили в

партизанские отряды, объединялись в патриотические группы.

Ни одного дня фашисты не чувствовали себя хозяевами на полуострове. Партизаны налетали даже на самые крупные вражеские гарнизоны, расположенные в километре-двух от городов, где были сосредоточены гитлеровские соединения.

Уже в ноябре 1941 года Судакский партизанский отряд разбил вражеский обоз у села Веселого. В начале декабря в двух километрах от этого села фашистские каратели напали на Судакский и Кировский отряды. Этот бой обошелся гитлеровцам в 25 солдат и офицеров. Партизаны потерь не имели. В декабре же группа Сейтлерского отряда под командованием Воронина во время трехдневного рейда вдоль алуштинско-судакского шоссе несколько раз нападала на вражеские обозы и части. В отряд вернулись без потерь. За короткий срок трижды взлетал в воздух мост у Семидворья.

Партизанские группы минировали дороги, соединяющие Приветное с Белогорском, Морское с селом Ворон, повреждали связь между Алуштой и Малореченским, громили гарнизоны гитлеровцев в Генеральском, Малореченском, Солнечногорском.

В январе 1942 года в Новосветской бухте, восточнее и западнее ее, высадились советские десантники. Снова на побережье много дней шли бои.

Апрель 1944 года принес освобождение. От Феодосии через Судак к Алуште двигались части Отдельной Приморской армии. Враг оказывал сопротивление, особенно упорное под Судакком и Алуштой.

С гор спустились партизанские отряды Северного и Южного соединений; они помогали наступающим

частям Советской Армии выбивать врага из сел, укрепленных пунктов, очищали леса и дороги.

14 апреля взят Судак, 15-го — Алушта. Юго-восточное побережье вновь стало свободным.

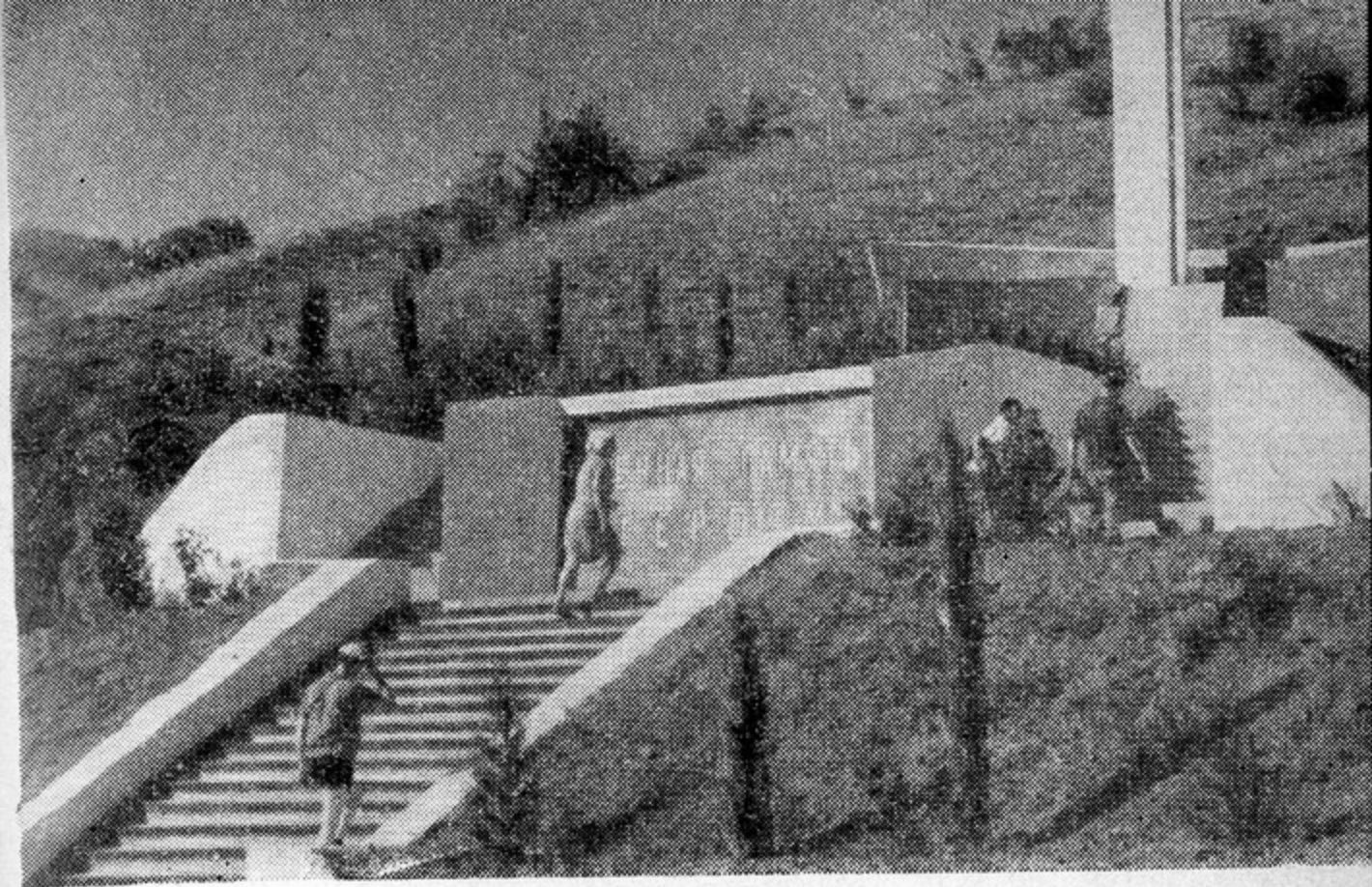
Будущее — сегодня. Для будущего юго-восточного Крыма сделано так много, что уже сегодня оно обрело вполне зримые черты, и вполне можно представить облик этого края через десять или двадцать лет.

Виноградники, сады, табачные плантации... Это и сегодняшней день края и его будущее. Земля, некогда родившая предельно скудно, теперь щедро одаляет людей. По 120 центнеров с гектара дают виноградники совхоза «Морской» — для этих мест цифра, ранее неслыханная. Но по сравнению с ней запланированные на 1975 год 150—200 центнеров не удивляют, не кажутся чем-то фантастическим.

На пути от Алушты до Судака то и дело встречаются очень еще молодые леса и парки — едва окрепшие сосенки, тоненькие кипарисы, крепенькие дубки и грабы, пышная поросль акации. Через десятилетия зашумят деревья у Солнечногорского и Морского, на склонах холмов, в Канакской балке, у Пастушьей башни, в Кутлакской долине и т. д.

А села... Уже сейчас это утопающие в зелени садов дома-коттеджи, оборудованные по последнему слову техники винзаводы и больницы, многоэтажные школы с солнечными классами, асфальтированные улицы, стадионы и спортивные площадки. Облик сел уже определился, а будущее их — еще больший комфорт и благоустроенность.

Богато живут в селах. Десять средних семей того же Рыбачьего могли бы уплатить все прежние недоимки этого села (за 1903 год они составили 24 151

Приветное. Памятник воинам, павшим в боях за Родину в годы Великой Отечественной войны.

рубль) только за счет дополнительной оплаты, причем без всякого ущерба для своего бюджета. В будущем доходы рабочих совхозов значительно возрастут. А прибыли хозяйств! Малореченцы исчисляют свои почти миллионом.

Дороги... Столетиями они были неразрешимой проблемой для этого края. Жители его вынуждены были довольствоваться тропами да избитыми, с трудом переползающими через многочисленные овраги колеями. Теперь асфальтированное шоссе соединяет Алушту с Судак, Солнечногорское с Генеральским. Чтобы доехать из Алушты в Судак, нужно затратить

несколько часов (а не дней, как ранее). Изменилось все: и сама жизнь, и пейзаж, и дороги.

Вдоль прибрежной полосы уже построены пансионаты, пионерские лагеря и лагеря отдыха.

К 1975 году побережье от Алушты до Судака сможет принять одновременно более 50 тысяч приехавших по путевкам в пансионаты, дома отдыха, туристские базы, кемпинги.

Совсем недавно еще только ставился вопрос об освоении курортной целины на этом побережье. Сейчас она уже осваивается. А пройдет десяток лет, и крымские курорты юго-восточного побережья приобретут не меньшую известность и популярность, чем Ялта или Алушта, или Гурзуф.

ПЕРВЫЕ КИЛОМЕТРЫ ПУТИ

На четвертом километре шоссе — рубеж юго-восточного Крыма, перевал Судакские ворота. Вид, открывающийся отсюда, не отличается ни буйством красок, ни эффектными изгибами рельефа. Спокойно спускаются в море вереницы холмов. Между ними угадываются мягкие овалы бухт.

Обычно с перевалов дороги спускаются. Но Судакские ворота — скорее приграничный кордон юго-восточного Крыма. Дорога сразу же круто берет влево, продолжает подниматься прямо к далеким склонам горы Демерджи (ее высота — 1356 метров над уровнем моря). Демерджи многими признана самой живописной на полуострове. Она поражает причудливой изрезанностью вершин и склонов. Да, изрядно потрудились здесь природа; впрочем, и материал для

ваяния был у нее благодатный: в отличие от других массивов Главной гряды Крымских гор, в основном известняковых, Демерджи сложена конгломератами.

Мрачная легенда связана с горой Демерджи.

В очень далекие времена хлынули на полуостров орды завоевателей, и был среди них кузнец, славившийся своим умением ковать оружие, владевший которым не знал поражений. На вершине Демерджи устроили пришельцы гигантскую кузницу и оружием, изготовленным в ней, уничтожали всех, кто противился их жестокой власти.

Гремела, дрожала гора, бушевавшее в ней пламя сушило землю, и становилась она бесплодной.

И тогда одна девушка — Мария решила отговорить того кузнеца от адской его работы: ведь до сердца каждого человека можно достучаться. Но, видно, не человеческое сердце было у кузнеца-злодея, убил он девушку. И тогда дрогнула гора, зашаталась и поглотила кузницу вместе с жестоким властелином огня — кузнецом. А когда все утихло, увидели жители того села, откуда ушла Мария, застывшие на склонах каменные изваяния — уродливые подобию кузнеца и его подручных. А на вершине появилась скала, похожая очертаниями на женскую голову. Это мужеству девушки изваян памятник.

В память о пережитом и назвал народ гору Демерджи, что означает «кузнец».

Большинство гостей полуострова знакомится прежде всего с западным склоном Демерджи, обращенным к южнобережному шоссе. Общий тон его серый, резко выделяются у подножия громады камней, обвалившиеся во время землетрясения 1894 года. Отсюда гора смотрит величественно и мрачно. С юго-востока она проще, уютней, густо одета лесом до самых зубчатых вершин.

Демерджи будет долго сопутствовать нам, открываясь каждый раз по-новому сгруппированными зубцами, рождая богатейшие ассоциации.

...Растущие вдоль дороги деревья отбрасывают на

Вершина Демерджи.

обочины густую тень; за ними справа и слева на склонах — виноградники; у 4-го километра шоссе плантации принадлежат совхозу «Алушта», с 7-го начинаются владения совхоза «Лучистое»; отсюда уходит от шоссе дорога, по которой можно выехать к троллейбусной трассе, минуя Алушту, через живописное село Лучистое, припавшее к подножию Демерджи.

Дальше шоссе режет склоны холмов, пересекает многочисленные балки. Одна из них (на 10-м километре) выходит к морю, где расположен курорт Семидворье. Здесь отдыхают пионеры Новой Каховки. Неподалеку — мост. У этого места нет ни памятного знака, ни мемориальной доски. А следовало бы поставить — в память об отваге партизан, которые в годы Великой Отечественной войны провели здесь не одну боевую операцию.

В марте 1942 года к шоссе вышла оперативная группа под командованием капитана И. Юрьева. В составе группы А. Лукин, Я. Сакович, М. Рогов. Подрывники действовали хладнокровно, уверенно. Только что восстановленный гитлеровцами мост взлетел в воздух.

Фашисты опять восстановили мост, но служил он им недолго: в конце марта к нему снова подошли партизанские подрывники — Я. Сакович, М. Рогов, П. Колесник и П. Пономарев. В третий раз взорван мост у Семидворья. В отряд партизаны вернулись без потерь.

Еще километры, и снова балки, балки... Почти все они выходят к морю, широко распахнув устья с мелкогалечными пляжами. В устьях находятся зоны отдыха. О Семидворье мы уже говорили; на 13-м километре можно спуститься к туристскому лагерю Московского энергетического института, с 18-го километра дорога уводит в оздоровительный лагерь Московского авиационного института; по соседству с ним — пионерлагерь и лагерь отдыха симферопольских машиностроителей.

С крутых поворотов дороги открываются живописные виды. Вдруг предстает заключенная в рамку

четко обрезанных морем холмов картина: горы Кас-
тель, Медвежонок и Медведь, жадно припавшие к
воде. Очертания их, сглаженные расстоянием, на-
столько схожи, что невольно приходит мысль: а поче-
му знаменитая крымская легенда — об одном, а не о
трех медведях?

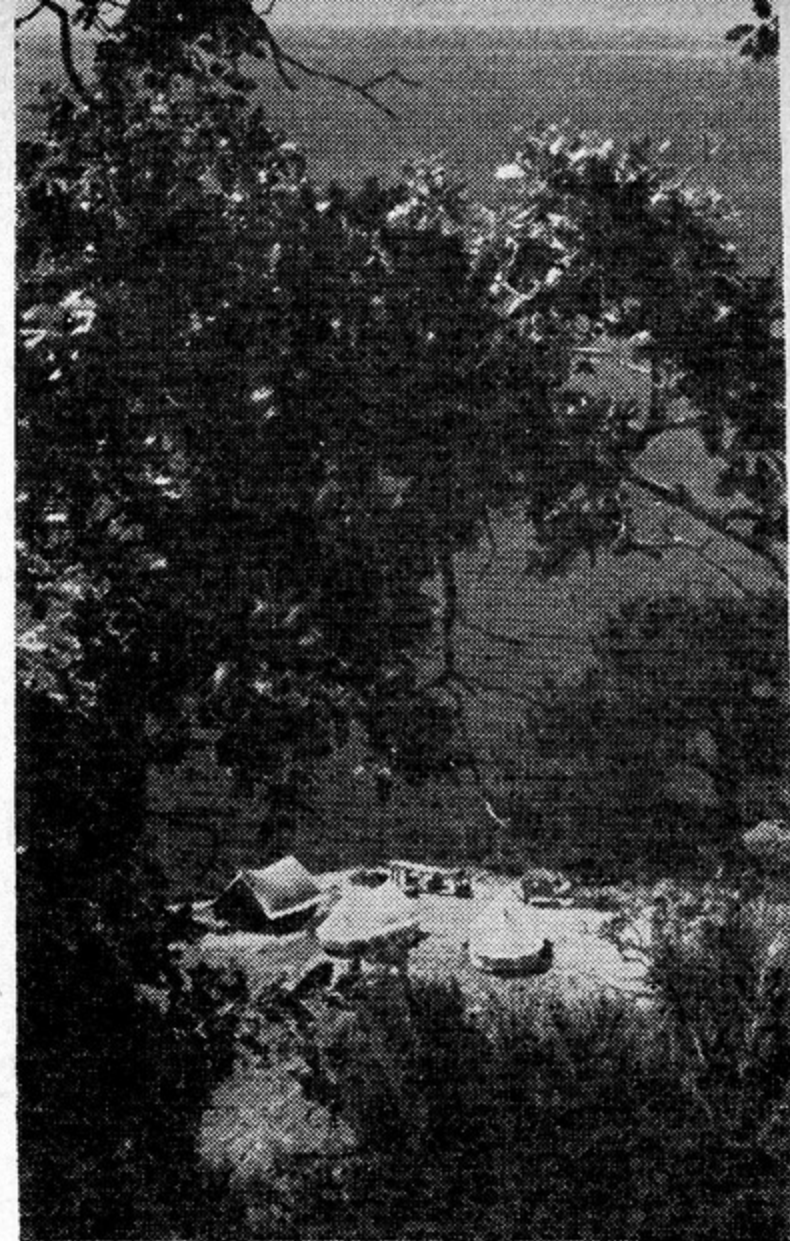
На 19-м километре слева от дороги привлекает вни-
мание камень с надписью «Лесопарк имени Тараса
Шевченко», а немного дальше еще один лесопарк —
имени 50-летия Октября. Уходят вверх по склону ря-
ды совсем еще маленьких сосенок и кипарисов. Не
сразу увидишь в них могучие деревья, которые через
десять-двадцать лет поднимутся стеной в аллеях ле-
сопарков этого края, станут защитой от оползней и
засухи.

За поворотом открывается еще одна долина, про-
тянувшаяся вдоль дороги, до вершин замыкающих ее
холмов прошитая размеренными строчками виноград-
ников.

Виноградники, виноградники... Все поднятые на
шпалеру. Тщательно ухоженные, с широкими между-
рядьями. Отличные, получившие широкую извест-
ность сорта: Мускат белый, Саперави, Педро крым-
ский.

Это земли винсовхоза «Малореченский», крупного,
богатого хозяйства. В Солнечногорском отделении
совхоза 153 гектара, а всего в совхозе 447,9 гектара,
и снимают с них около пяти тысяч тонн винограда.
Из них 3000 тонн перерабатывает малореченский вин-
завод, получая около 250 тысяч декалитров вина. Сов-
хозные сады дают около пяти тысяч тонн плодов, а та-
бачные плантации — 100 тонн ароматного сухого ли-
ста сорта Крымский 572.

Уютные уголки побе-
режья заселены турис-
тами.

Вдумайтесь в эти цифры. Они говорят не только о
богатстве этого края, но и о беззаветном труде людей.
В них — годы борьбы, преодоление, казалось бы, не-
преодолимого, настойчивость, побеждающая любые
невзгоды.

Еще в XVIII веке естествоиспытатель и путешест-
венник К. И. Габлиц произнес приговор этой земле:
бесплодна, «чрезвычайно суха и сама собой весьма

мало растений производит». Ну, а если не сама собой? Долгое время внимание и забота о ней оплачивались весьма скупо, словно нехотя.

В послевоенные годы по всему Крыму приводились в порядок разоренные виноградники. Коктебельцы уже мерили рекорды своей землячки — знаменитой М. А. Брынцевой сотней центнеров с гектара, а солнечногорцы все еще собирали по 26—28 центнеров. Впору было окончательно утвердиться мнению: из здешних проклятых холмов не то что заветных ста, но и пятидесяти центнеров не вытянуть.

А в 1957 году звеньевой совхоза «Малореченский» Нине Александровне Тихоновой было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Ее звено с каждого гектара «неблагодарной, проклятой» земли взяло по 99 центнеров. Сейчас на этих виноградниках работает бригада Н. А. Тихоновой. Отлично работает — выполняет почти два плановых задания.

Солнечногорское открывается с дороги на какие-то мгновения невыгодно для себя — несколькими старыми постройками, небрежно брошенными на голый, крутой склон. И тут же справа появляются свечи топей, неперенных жителей крымских долин, кудрявая зелень садов, в которых утопают бело-голубые домики. Новое село тянется вдоль берега, уходит от него по руслам Кучук- и Куру-Узени прямыми тенистыми улицами, застроенными одно- и двухэтажными домами.

Центр отделения совхоза в последнее время обретает облик курортного поселка. При въезде в Солнечногорское справа на берегу раскинулся лагерь отдыха

москвичей «Рассвет», а в восточной части села строится еще один лагерь летнего типа. Здесь будут отдыхать наши гости из Таллина.

Отдыхающих без путевок обслуживают в Солнечногорском квартирное бюро, столовая «Лазурная»; здесь есть несколько магазинов, летний кинотеатр, клуб, библиотека.

Многие крымчане, москвичи, ленинградцы, жители отдаленных уголков страны приезжают в Солнечногорское ежегодно. Красивое само по себе, благоустроенное село привлекает и своим отличным пляжем — просторным, мелкогалечным; отсюда открывается великолепный обзор морской глади и дальних берегов.

Взглянем вправо. Там «горбатой тенью лег в море Аю-Даг и, словно изнуренный жаждою зверь, припал к воде».

А прямо перед нами, насколько глаз охватит, — море. «Голубое, ослепительно голубое, как крымское небо, оно млело на жаре летнего дня, подергивалось дымкой, нежными тонами сливаясь с далеким небосклоном, очаровывало и влекло в свою чистую, теплую и радостную синеву...»

Теперь обернемся.

«...За деревней, в далекой перспективе, открывался волшебный мир. В глубоких долинах, зеленых от винограда и полных седой мглы, теснились каменные громады, розовые от вечернего солнца или синеющие густыми лесами. Круглые, лысые горы, словно гигантские шатры, отбрасывали от себя черную тень, а далекие вершины, серо-голубые, казались зубцами застывших туч».

Осенью 1896 года здесь около двух месяцев жил

«Словно изнуренный жаждою зверь, припал к воде Аю-Даг...»

выдающийся украинский писатель Михаил Михайлович Коцюбинский. Натурой для этих его пейзажных зарисовок послужило Солнечногорское, его окрестности, виды солнечногорской долины.

Писатель приехал сюда не отдохнуть и не в творческую командировку, а по долгу службы — в составе экспедиции по борьбе с филлоксерой.

К тому времени М. М. Коцюбинский был уже человеком вполне сложившихся убеждений; еще юношей стал он активным членом революционно-демократических кружков, подвергался преследованиям, числился «неблагонадежным». С тех пор жандармы не лишают его «своей любезной опеки». За плечами у Коцюбинского работа с крестьянскими детьми в украинской деревне, пропаганда идей свободы, борьба с предрассудками. Затем вмешательство жандармерии, поиски новой работы (он глава и кормилец боль-

шой семьи) и — филлоксерная комиссия при министерстве земледелия и государственных имуществ.

Условия жизни лишали Коцюбинского возможности заниматься только литературным трудом, но в любых обстоятельствах писатель черпал материал для своих произведений. В Солнечногорском — тоже.

Он ехал сюда этой же дорогой. Впрочем, она так изменилась. Сейчас путь от Алушты до Солнечногорского автобус покрывает немногим более чем в полчаса.

А тогда...

«...Ехали пять с лишним часов. Шоссе (одна слава, что шоссе)... достигает самого Демерджи, сто раз спускается обратно к морю и сто — снова подымается на крутизну.

Деревьев почти нет, все кустарники да сухая желтая трава... дорога из рук вон, пыль невыносимая».

Добрался, наконец, до места. Устроился на жилье в доме купца Факидова. Приступил к изнурительной своей работе. Ходьбы — уйма. «Если бы ноги обладали даром слова, они рассказали бы многое. А то молчат и ноют». Так кончается каждый день — усталость, переутомление... перед глазами кусты, кусты. А еще — полная оторванность от всего мира: «...Странно без почты. Словно на краю света очутился. Ни газет, ни писем».

Но это внешние приметы жизни. Усталость не притупила остроту писательского зрения. Впоследствии все виденное и обдуманное им здесь воплотится в художественных образах. Родится новелла «На камне». Оживет в ней облик и содержание, сущность жизни тогдашнего села, разделенного небольшой речушкой на два смертно враждующих лагеря: «Вода давала

жизнь всему, что росло на камне», из-за нее сельчане, «забывая родственную связь... разбивали головы один другому».

Отдельные солнечногорские впечатления легли деталями и в другие произведения М. М. Коцюбинского.

...Все теснее берет в кольцо новое Солнечногорское старые дома; видимо, вскоре и вовсе исчезнут они — полутемные, изрядно обветшалые. Но один непременно останется. Дом с длинной верандой, в который ведут каменные ступени. В нем предполагается открыть мемориальный музей. Здесь жил в 1896 году М. М. Коцюбинский.

Теперь в селе четко распланированные улицы. Одна из них носит имя писателя.

К ВОДОПАДУ ДЖУР-ДЖУР И ДАЛЬШЕ ПО УЩЕЛЬЮ ХАПХАЛ

Асфальтированная дорога соединяет Солнечногорское с селом Генеральским. Два раза в день туда ходят автобусы из Алушты, да и попутных машин много, так что попасть в Генеральское не проблема. Только советуем сойти не в самом селе, а не доезжая до него с километр, там, где справа от дороги на возвышении поставлен памятник на могиле пограничника Юрченко, погибшего в схватке с гитлеровцами осенью 1941 года.

...Вокруг горы. Громоздятся один на другой, уходят к горизонтам хребты. Справа Караби-яйла. Обычно о ней говорят: безжизненная, пустынная, самая мертвая из крымских яйл. Отсюда она прежде всего величественна. Ее скалистые уступы, стремящиеся к

морю отроги, все эти нагромождения ничуть не проигрывают от соседства горделивой, зеленой Демерджи. Между Демерджи и Караби-яйлой гигантским мостом лег гребень горы Тырке. Ближе его сбегает в ущелье Хапхал один за другим, словно сплетенные пальцы двух рук, отроги Демерджи и Караби, густо поросшие лесом.

Спускаемся в село, на площадь, где останавливается автобус, а отсюда узкой улочкой к Улу-Узени, к мостику; перейдя его, попадаем на дорогу, ведущую вверх по руслу Улу-Узени.

С первых же шагов нас обступает удивительная, диковатая красота. Гулко журча, падает в каменном своем русле речка, через ограду сада тянутся зеленые ветви вишен, а справа от дороги растут могучие ореховые деревья. Об их возрасте спорят: одни исчисляют его тысячелетием, другие утверждают, что гиганты вдвое моложе. Во всяком случае живут деревья не одно столетие и чего только не повидали за долгий свой век. Искореженные временем стволы поддерживают и питают огромные ветви, из которых каждая сама по себе тоже ствол немалого дерева. Крона — развесистая, могучая, и никак не хочется искать других слов, когда видишь эти деревья: могучая сила жизни, могучее долголетие.

Огибая гиганты, уходит вправо тропа. Доверьтесь ей, она проведет вас сквозь густофисташковый сумрак кизильника, потом светлой, молодой тополевой рощей выведет на поляну, заросшую цветами. Покажутся впереди и вновь спрячутся зубцы Демерджи. Глубоко внизу, в ущелье, уже не журчит — рокошет, пенится Улу-Узень.

Вскоре тропа выводит опять на колесную дорогу,

В долине реки Улу-Узень.

и от двух приметных камней вновь широко открываются мощные уступы Караби, и ближний противоположный склон, и белеющие внизу домики Генеральского.

Дорога круто поднимается в гору, а вниз, к руслу реки, сбегает тропа. Она крута, не раз теряется на одном берегу, чтобы продолжиться на противополож-

ном, а там обрывается, и снова надо переходить речку вброд. Впрочем, Улу-Узень неглубока и не особенно холодна летом, так что перейти ее не составляет ни труда, ни опасности.

Зато идешь-бредешь, и все время рядом речка, бежит, торопится, журчит, рокошет, замирает в заводях. Ущелье глубокое, тихое, только речкой, ее прохладой, ее говором и заполнено.

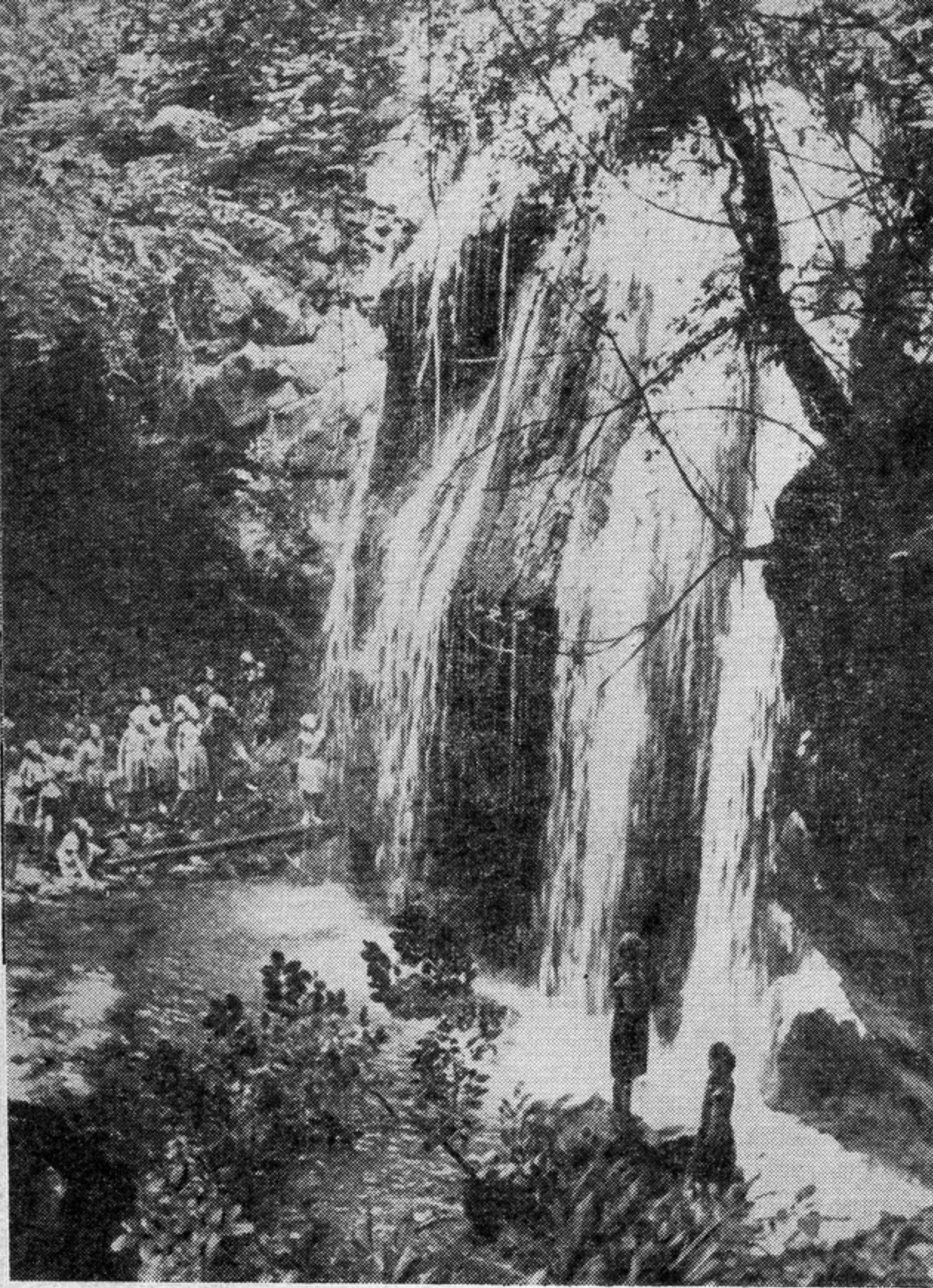
И вдруг видишь впереди сплошное сверкание. Даже грохот не предупредит о Джур-Джуре, недаром у него такое имя — журчащий. Еще один переход через реку, и вы у его подножия. Джур-Джур нужно увидеть именно снизу, так сказать, «во весь рост». Да, во весь его пятнадцатиметровый рост.

Это самый мощный, самый красивый водопад в Крыму. Сверканию воды служат великолепным фоном и обрамлением поросшие мхом, увитые плющом зеленоватые скалы. Только в полуденные часы летом пробивается сюда солнце, остальное время — зеленый полумрак от склонившихся над водопадом, убегающих вверх по склонам высокоствольных буков, грабов; растут в ущелье Хапхал и дуб, липа, рябина, кизил, лещина. А в верховьях встречается тис — редкое для Крыма, прочное, ценное древнее дерево, третий реликт.

Ущелье Хапхал вместе с водопадом, редкими породами объявлено заповедным.

...Мы поднимаемся вверх по течению реки. Джур-Джур уже позади, почти в километре. Улу-Узень то затихает совсем в широких заводях, то мчится стремительно в узком, глубоком русле. И вдруг — несколько красивейших каскадов, а немного дальше крутой поворот — и с высоты так метров в сто не па-

дает, а плавно скользит вода. Издали эти ярусы — словно еще один водопад, тоже журчащий.

Если позволит время, дойдите до истока Улу-Узени. Здесь тоже красиво и очень тихо.

Есть у восточных народов такая мудрость: каждый человек должен хоть раз в жизни пройти вдоль всей реки, от истока ее до устья. Зачем? Пройдет — узнает...

Обратно к водопаду Джур-Джур можно вернуться берегом, потом подняться по тропе на левый склон и идти по нему до Генеральского.

МАЛОРЕЧЕНСКОЕ

Разрастаясь, Солнечногорское тянется к следующему за ним Малореченскому. Минуешь последние солнечногорские постройки, и совсем рядом крутой поворот шоссе, а за ним открывается Малореченская долина.

Но прежде чем спуститься в село, постоим здесь, на повороте. Справа в фон моря четко вписан обелиск; малореченцы установили его в память о своих односельчанах, погибших в боях Великой Отечественной войны.

А левее, ниже дороги, еще один памятник — «героям, павшим в борьбе за освобождение Крыма».

Апрель 1944 года. Разбитые на Керченском полуострове и под Феодосией гитлеровцы отходят через Судак и Алушту. Их преследуют части Отдельной Приморской и 51-й армий. Утром 14 апреля передо-

---

Водопад Джур-Джур.

вой отряд 16-го стрелкового корпуса Отдельной Приморской армии овладел Судакком. Наступление шло стремительно, побережье между Алуштой и Судакком наши войска очистили от гитлеровцев всего за один день.

Бок о бок с советскими воинами сражались крымские партизаны. Вместе спят они и в братских могилах. Солдаты Г. И. Ливадин, П. И. Шевченко, П. Г. Шебелев и партизан Н. С. Шеин в селе Приветном. Сержант В. Овчаренко, солдаты Жуков и Нина Кравчук, партизаны А. Мамонов и В. Мамонов в Рыбачьем, рядовой Зайцев и три партизана в Солнечногорском (их имена не установлены).

...Ярко светило солнце. Цвел миндаль. Бой откатился от Малореченского, стало слышно, как плещется море. Коротко пропела какая-то птица и, словно испугавшись чего-то, затихла. Павших в бою хоронили на склоне холма у дороги. Девушка в военной гимнастерке положила на могилу веточку цветущего миндаля. Слезы застилали ей глаза, она не видела ни села, за которое погибли ее друзья, ни синей глади моря. А друзей ее похоронили здесь потому, что далеко видна отсюда земля, за которую они отдали жизнь.

Обелиски, обелиски... Стоят они на взгорьях в Приветном и Рыбачьем, в Солнечногорском и Генеральском. И лежит у подножия памятников удивительно прекрасный мир, который защищали отважные.

Часовыми стоят обелиски в крымской степи, у обочин дорог, на площадях городов и сел, на горных склонах, над обрывистыми морскими берегами. Они застыли на братских могилах, самых скорбных ранах земли, прошедших и сквозь человеческие сердца. Помните об этом, когда стоите у обелисков!

Все Малореченское — перед нами. Время предвечернее. Солнце подплыло уже совсем близко к окружающим долину горам, они сейчас рельефны, неразличимы в деталях. А на склонах ближних холмов еще не загустели синие тени; ярко-зеленые холмы где полого, где круто спускаются в долину. Более полувека назад с этого же приблизительно места увидел село М. М. Коцюбинский и описал его так:

«...Над долиной желтый, голый холм, с одной стороны которого как бы прилеплены огромные соты, и это б у к в а л ь н о, — так домики без крыш сбились, прилипли друг к другу, один над другим... Нет ни травинки. Голо...»

Сейчас, конечно, тех домиков-сот не увидишь, осталось их несколько на все село, и затерялись они среди одно-, двух-, трехэтажных домов, выросших в долине и на склонах холмов. А над берегом рассыпались коттеджи — база отдыха «Малореченское». Очень много зелени — фруктовые сады, тополиные аллеи вдоль улиц, цветники около домов. Сад в имении Княжевичей, бывших владельцев Малореченки, теперь не выделишь взглядом. Приковывает взор не весь парк (а он очень красив, с тенистыми аллеями, бассейном, розарием), а сосны и кипарисы в нем, темнеющие на фоне более светлой зелени.

Малореченские вечера... Красоту и обаяние их отмечал еще П. Сумароков: «Уже потухающая заря расстилала багряный цвет на зеркальной поверхности вод. Дикость сих мест и царствующая в них тишина обворожили мои чувства».

Ну, что касается дикости, то она, конечно, далекое прошлое. А вот тишина... Собственно, безмолвия нет. И все же вечерами опускается на Малореченское та

особая тишина, в которую все звуки входят гармонически, не нарушая, а подчеркивая ее.

Гулко щелкает мяч — внизу на просторном стадионе играют в футбол. От пристани громкоговоритель доносит приглашение на часовую прогулку «в сторону открытого моря», а белоснежный катер застыл у причала, и само море застыло — не шевельнет волной, не всплеснет.

Девичьи голоса заводят песню. Вслушайтесь. Может, это «Малореченский вальс», рожденный в этом селе? Музыку вальса написал совхозный баянист Михаил Белоущенко, а слова — девчата из художественной самодеятельности. Кстати, это не единственная рожденная здесь песня.

В «Малореченском» не только слагают песни. Сергей Титович Родионов, совхозный агроном, — еще и художник. Его карандашные рисунки мягко и выразительно передают влюбленность этого человека в родную землю с ее садами, виноградниками, холмами и морем.

А Иван Иванович Белоиванов... Рабочий, а потом управляющий отделением Малореченского совхоза, ныне директор совхоза «Солнечный». И художник он, и поэт, а в воскресенье, бывало, соберет молодежь — и на водопад Джур-Джур или в Туакскую пещеру. Учил молодых понимать красоту родной природы.

Еще десять с лишним лет назад писали журналисты о Васе Кононенко, мальчике, влюбленном в виноградники. Прошли годы, и звеньевой Василий Иванович Кононенко стал Героем Социалистического Труда; на образцовых виноградниках (тех самых, дальних и захудалых, к которым Вася бегал по ночам) его звено собрало по 111 центнеров винограда с гектара.

...Вечерами далеко видно зарево огней над Малореченским. Вся долина залита ярким светом. Огни бегут вдоль шоссе, мелькают сквозь зелень парка, ровно и сильно горят в окнах домов, высоко взбираются на холмы, пляшут у пристани. Огни всюду, всюду...

Село Малореченское.

Когда-то Уэллс писал об «утопии электрификации», в которую якобы впал «кремлевский мечтатель» В. И. Ленин. Сейчас Уэллсу не понадобилось бы волшебное зеркало, в котором он тщетно старался увидеть Россию будущего. Сейчас он увидел бы ее в капельке росы — зареве над Малореченским.

За Малореченским дорога проходит через село Рыбачье, затем уползает в горы и только на 40-м километре снова приближается к морю, но не вплотную, а на расстояние одного-двух километров.

Отсюда уходит к морю просторная Канакская балка — пожалуй, одна из самых широких на побережье между Алуштой и Судакom. От шоссе по дну ее вьется дорога. До недавнего времени Канакская балка была хорошо известна разве только археологам. Несколько лет вела здесь раскопки экспедиция Института археологии Академии наук УССР. В устье балки на склоне одного из холмов раскопано поселение VIII — IX веков нашей эры, обитатели которого занимались рыболовством и виноделием.

Спуск к морю полог, почти незаметен. Рядом русло реки. Широкое, но совершенно сухое. Путешествовавший по этим местам в конце XVIII века П. С. Паллас писал о большой, полноводной речке Канаке. Спустя столетие, выпуская в свет его записки, издатели были вынуждены дать следующее примечание: «Речка Канака совершенно исчезла ныне по причине вырубленных вокруг нее и у ее истока лесов...» Теперь склоны обрамляющих долину холмов вновь покрыты лесом, но речка Канака все-таки пересыхает летом, и только в паводок да после обильных дождей мчит к морю бурливый горный поток.

Лес по склонам еще очень молодой, в основном дубовый и грабовый, а близ устья балки на склоне высятся темные зонтики реликтового можжевельника.

Сейчас к можжевелевой роще, где так пронзителен запах хвои, подбираются домики-коттеджи и палатки

Пансионат «Луч» в Канакской балке.

пансионатов «Волга» и «Луч», в которых отдыхают москвичи.

Пройдет с десятков лет, и описание Канакской балки можно будет найти в любом путеводителе по Крыму курортному.

Еще в 1915 году в заключении министерства земледелия и отдела земельных улучшений обращено было внимание на от-

личные природные и климатические условия Канакской балки. Она защищена от холодных северо-восточных, северных и северо-западных ветров горным хребтом. Устье ее открыто к морю пологой бухтой с широкой полосой мелкогалечного пляжа, который признан «одним из лучших пляжей побережья от Фороса до Феодосии».

И далее: Канакская балка, «поросшая лесом из дуба, можжевельника, терпентинного дерева и проч., является отрадным оазисом среди оголенных холмов и приводит к мысли о желательности создать здесь, в пустынной и малозаселенной местности, новый культурный центр...». Постройка здесь здравницы дала бы толчок «к развитию новой области побережья Крыма, обладающей богатыми природными данными для возникновения здесь лечебных мест, но в настоящее время незаслуженно забытой».

Таврический генерал-губернатор благосклонно отнесся к идее создания здравницы в Канакской балке. А почему бы и нет? Для «раненых и больных воинов»? Или санаторий-приют для детей—сирот воинов? Это гуманно, патриотично. Тем более, что ни генерал-губернатору, ни правительству не придется раскошелиться: объявлен всероссийский сбор пожертвований для «нужд постройки лечебного места», собрано 500 тысяч рублей—сумма, вполне достаточная для постройки здравницы. Уже и пышное название ей определено — «Александрия».

Планы строились с размахом. Предполагалась прокладка дорог, вымежевание площадей под пляж, парк, церковь, прочие постройки. Партия крымских водных изысканий составила проект шоссированной дороги «бульварного типа» между Канакской балкой и Рыбачьим. Почвовед Н. Благовещенский обследовал долину. К пристаням подходили суденышки со строительными материалами. По дороге пара волов лениво тащила каток. Возводилась набережная «в пределах всего участка санатории».

Потом все заглохло. Даже фундамент здания не был заложен. И только спустя много лет ожило устье балки.

Выше мы уже говорили, что климат юго-восточного побережья Крыма отличен от южнобережного. Однако и здесь природные условия весьма благоприятны для развития курортов. Этот район полуострова

исключительно богат солнцем. Оно сияет здесь в течение года в среднем 2200 часов, немногим меньше, чем в прославленной Ницце, и значительно больше, чем в Сочи (1980 часов).

Много на этих берегах и великолепных песчаных и мелкогалечных пляжей — в Солнечногорском, Рыбачьем, Канакской балке, Морском, Кутлакской бухте и т. д.

Январская температура на юго-восточном побережье всего на градус ниже, чем в Ялте, а среднегодовая за счет более высоких летних температур почти равна южнобережной.

Среди будущих курортов юго-восточного Крыма Канакской балке отведено значительное место. Здесь одновременно смогут отдыхать свыше 10 тысяч человек. В долине построят лагеря отдыха и пансионаты. Будет разбит парк, заасфальтированы дороги, сооружены бассейны, кинотеатры, курзалы.

Будущее Канакской балки можно увидеть сейчас в чертежах и макетах проектировщиков. Не будет здесь массивных дворцов-санаториев типа южнобережных «России» или «Украины», а только крупнопанельные 4—5-этажные спальные корпуса облегченных конструкций.

Каждый курорт составит комплекс: жилые здания, парки, спортивные площадки и водные бассейны, а в центре — летний театр, эстрада, курзал. Обязательно выделение зоны отдыха и зоны обслуживания. И дороги, как правило, будут выведены за пределы курортной зоны. Здесь останутся только тишина, зелень, ничем не загрязненный свежий морской воздух.

Таким будет курорт в Канакской балке.

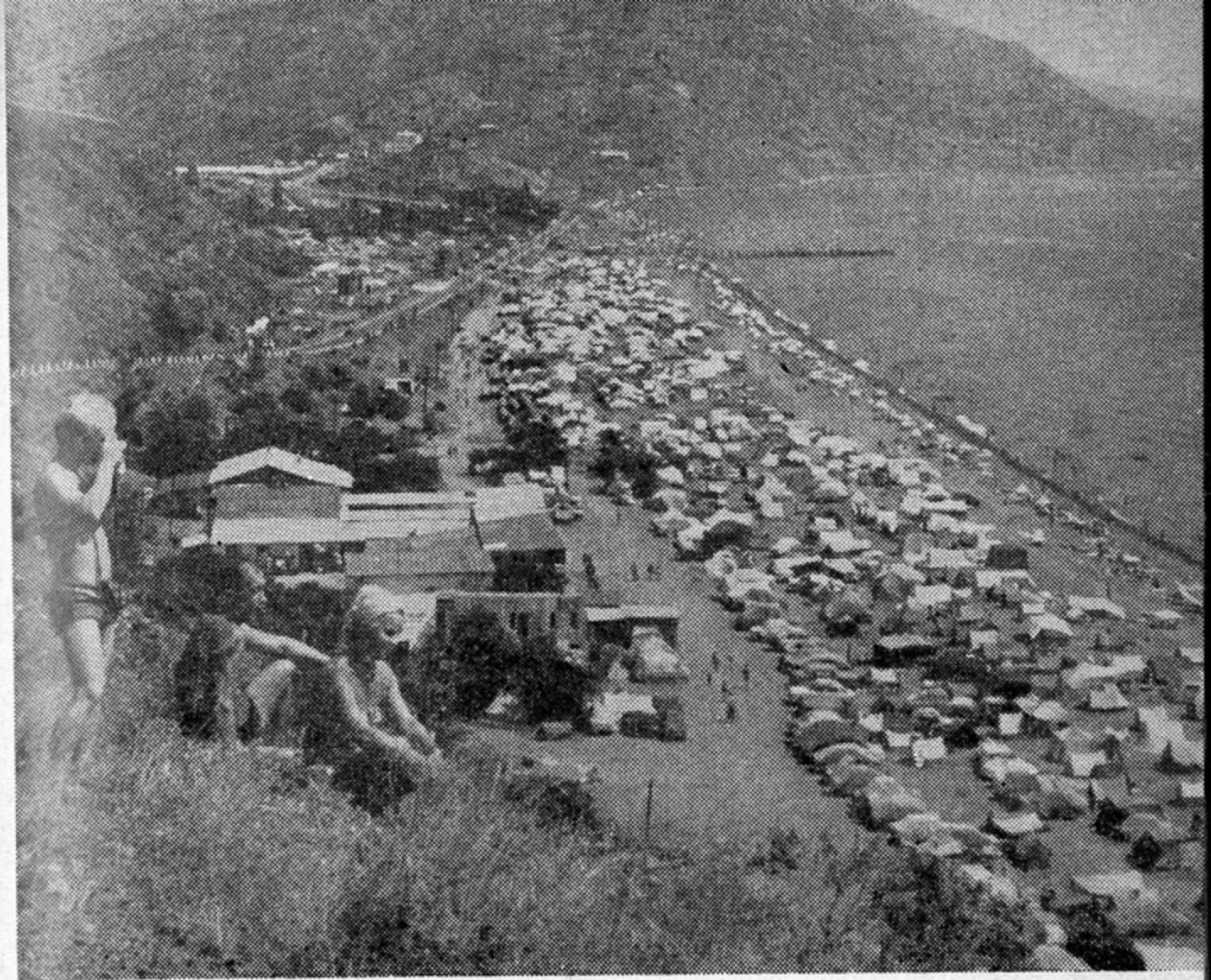

Из Канакской балки можно совершить интересную прогулку пешком по береговой тропе в Рыбачье, Малореченское и дальше до Алушты. Эта тропа дополнит образ юго-восточного Крыма новыми штрихами, которые невозможно увидеть, придерживаясь только шоссе.

Прежде чем уйти из Канакской балки, обязательно поднимитесь в рощу древовидного можжевельника и терпентинного дерева на склоне правого холма, замыкающего бухту. Здесь пряно пахнет хвоей, растут реликты — можжевельник, а в соседстве с ним терпентинное дерево. Его серовато-зеленые листья почти такого же цвета, как и хвоя можжевельника, и потому издали роща кажется однотонной. У терпентинного дерева несколько имен — фисташка дикая, кеовое, скипидарное дерево. Из его душистой смолы (кева, терпентин) можно получить скипидар. Оно привлекло внимание первых исследователей Крыма — Палласа, Биберштейна, Стевена и других. Долго спорили, местный это житель Крыма или «гость», современник древних греческих поселенцев. Оказалось, как и можжевельник, терпентинное дерево — абориген.

Канакская роща заповедная. И можжевельник, и терпентинное дерево — живые памятники природы, они охраняются законом.

Из Канакской балки на запад вдоль открывающихся одна за другой неглубоких бухт ведет береговая тропа. Какое-то время нам будут сопутствовать действительно безжизненные склоны со скудной растительностью, но рядом — море. В ранние утренние

Пляж в Рыбачьем.

часы оно обычно тихое-тихое; едва прошелестит волна и отбежит надолго. А проснувшись, море повторит все краски неба — нальется блекло-голубым и фиолетовым, а потом сверкнет ненадолго розовым перед тем, как наполниться синевой.

...Рыбачье видно издалека — просторный пляж, заполненный палатками автотуристов, здание пансионата на холме, а пониже его, левее, вначале неяс-

ный силуэт, а потом четкие характерные очертания огромной сосны итальянской.

Шоссе проходит рядом с пляжем, а по другую сторону его, в долине речки Хуны, глубоко разрезающей горы, раскинулось и само село. У Рыбачьего много приверженцев, которые из года в год проводят здесь свой отпуск. Их привлекают и отличный песчано-мелкогалечный пляж, и благодатный климат, и живописная местность вокруг. Растительность здесь богатая; ботаники проводят через Рыбачье границу произрастания многих средиземноморских растений, которые долгое время считал одной из главных своих привилегий Южный берег.

В Рыбачьем высятся сосны и кипарисы, много цветов, в будущем отлично приживутся и глициния, и ленкоранская акация, и олеандр, и кедр. В общем парки на этом курорте обещают быть живописнейшими. Здесь будут построены пансионаты, гостиницы, лагеря отдыха, кемпинги. В долине уже возводятся легкие, ажурные корпуса здравниц.

С запада бухту прикрывает не совсем обычный мыс. Сложен он вулканической породой со сложным и звучным названием — кератоспилит. Кстати, это один из немногих участков нашего маршрута, где тропа идет не самым берегом, а поднимается по склону и только потом спускается к основанию мыса.

Еще К. И. Габлиц писал, что некоторые из крымских гор «произошли от огнедышащих вулканов». Мы видим перед собой наглядное подтверждение этому. Явственно различим поток затвердевшей лавы, весь в огромных сгустках разнообразных форм. Рядом аргиллиты — глины, затвердевшие в результате уплотнения, с остатками разнообразной среднеюрской фау-

ны, среди них — давно вымершие аммониты, головоногие моллюски. Геологи могут найти здесь интересный материал для исследований.

Продолжая идти по береговой тропе, мы вскоре поравняемся с Малореченским, затем минуем солнечную бухту, за ней — лагерь отдыха, а еще через несколько километров выйдем к зеленому оазису в устье ручья Алака — к Сотере. Само название это (по-гречески «спаситель») уводит опять в глубь веков, в древнюю историю этих мест. Когда-то здесь было средневековое поселение и, по предположениям археологов, храм. Одновременно существовали поселения и в границах нынешних Солнечногорского и Малореченского; сейчас совсем позабыты их древние звучные названия — Ксеропотамос и Микропотамос. То, что уцелело от средневековой Сотеры, изучают археологи. Долгое время эта местность пустовала. Старые путеводители отмечали здесь только «прибрежный участок с большими тополями, орехами и шелковицей».

В конце прошлого века ненадолго вспыхнул интерес к Сотере: в 1893 году Н. А. Головкинский нашел здесь кости мамонта — впервые на южных склонах Крымских гор. Балочка, где были найдены кости, уходит влево от русла ручья Алака, в километре с лишним от берега моря. Предполагалось даже назвать балочку Мамонтовой, но имя это не прижилось, а вскоре перестали говорить и об открытии ученого и о Сотере.

Теперь Сотера — место оживленное, шумное. По склонам балки и вдоль берега моря проглядывают сквозь зелень красивые легкие корпуса, спортплощадки, поет пионерский горн, пляж заполнен людьми (кста-

Лагерь отдыха студентов МЭИ.

ти, сюда приезжают на катерах из Алушты, Рыбачьего и т. д.), а деревья местами подступают к самой воде. Такова теперь Сотера, где отдыхают студенты Московского авиационного института и пионеры.

Ближайшие западные соседи и соперники сотерцев в волейбольных, баскетбольных и прочих состяза-

ниях (разумеется, не обходится и без КВН) — студенты Московского энергетического института; их лагерь расположен в бухточке, тоже недавно еще пустынной.

От пляжа ведут к корпусам асфальтированные дорожки в обрамлении зеленых бордюров. В лагере отдыха МЭИ тоже очень много зелени. Много и веселья, энтузиазма, выдумки. Причудливо расписанные ларьки, эстрада в виде диковинного черно-белого цветка, сочетание этих же цветов в окраске зданий неожиданно создает светлый, радостный тон.

Студенты и отдыхают, и строят свой лагерь — соорудили оригинальной формы бассейн и еще одну спортивную площадку.

Береговая тропа миновала МЭИ, и вскоре показалась длинная белая баллюстрада, а за ней густые пятна зелени и стрелы тополей над ними. Сверкнул радостно легкие цветные павильоны, полыхнет флажок на вышке — и мы в Семидворье, в пионерлагере для детей работников Днепрогэс имени В. И. Ленина.

Воздух здесь напоен ароматом цветов, дыханьем моря, а если пройти вверх по руслу ручья Тапшан и подняться по склону в заповедную можжевелевую рощу, можно вдоволь надышаться густым, чуть пряным ее ароматом, совсем как в Канакской балке.

Хорош в Семидворье парк: тянутся вверх стройные тополя, широко разбрасывает красивые душистые соцветия ленокранская акация; растут здесь кипарисы, туя, огромные ореховые деревья.

За Семидворьем привлекает внимание нагромождение прибрежных камней. Здесь и знаменитые карадагские Золотые ворота в миниатюре, и скала в море, напоминающая своими очертаниями роденовского

Спешат к морю ребята из пионерлагеря в Семидворье.

«Мыслителя», а чуть дальше — один из песчаных обрывов, очень похожий на знаменитую Аврорину скалу, природный пьедестал Ласточкина гнезда.

Дальше — небольшие безлюдные бухточки, и вот за одним из поворотов тропы опять открывается уже обжитый, освоенный, благоустроенный пляж; лестница ведет вверх к изящным желтым домикам-коттеджам. Это спортивно-оздоровительный лагерь харьковчан «Эврика».

И опять обрывистый серый берег, и вдруг в русле пересохшего ручья откроется зеленая балка с отлогими склонами, с группами деревьев — отличное место для отдыха...

В любое время суток хорош берег моря, великолепно и само море с его изменчивыми красками, своеобразной жизнью, в которую надо уметь всмотреться, вслушаться.

«Темно-зеленое море билось о скалы внизу под нами; голубое небо торжественно молчало вверху, а вокруг нас тихо шумели кустарники и деревья. Взошла луна. От узорчатой зелени чинар пали тени. Пела какая-то птица, задорно и звучно. Ее серебряные трели таяли в воздухе, полном тихого и ласкового шума волн, и, когда они исчезали, слышалось нервное стрекотание какого-то насекомого. Костер горел весело, и его огонь казался большим пылающим букетом красных и желтых цветов. Он тоже рождает тени, и эти тени весело прыгали вокруг нас, как бы рисуясь своей живостью перед ленивыми тенями луны. Широкий горизонт моря был пустынен, небо над ним безоблачно, и я чувствовал себя на краю земли, созерцающим пространство — эту чарующую душу загадку...»

Эти строки принадлежат Максиму Горькому, и родились они здесь, на побережье между Алуштой и Судакком, когда молодой Алексей Пешков, странствуя по Руси, прошел пешком по этим местам со спутником своим, грузинским дворянином С-дзе. История их взаимоотношений хорошо известна и рассказ «Мой спутник» — тоже. Он написан в 1894 году, а побывал здесь Горький в 1891-м. Но картина ночного моря так запала ему в душу, что воспроизвел он ее верно, во всех деталях, сохранив ощущения, тогда пережитые.

До сих пор не установлено точно, где останавливался в тот далекий вечер Горький со своим спутником, где горел их костер. Некоторые утверждают — на окраине Солнечногорского, другие — в Канакской балке. И то и другое спорно.

Многие уголки этого края могут одарить вас теми же впечатлениями, пробудить те же чувства, о которых так поэтично поведал великий писатель.

Совсем уже близка Алушта. Постепенно открываются ее пристань, пляж, зелень ее аллеи-улиц и парков, санатории, бухта, долина, а потом и горы, отступившие далеко, чтобы пропустить эту долину к морю.

А теперь продолжим наше путешествие к Судаку с того места, где оно было прервано, — из Канакской балки.

СКУТИ—УСКУТ—ПРИВЕТНОЕ

За Канакской балкой шоссе снова вползает на склоны холмов и снова спускается к морю на 49-м километре. Слева, в ущелье, у подножия гор протянулись сады, виноградники, улицы села Приветного — центра обширного, богатого совхоза «Приветный».

Природе дана куда более долгая жизнь, чем человеку, и о многом могут рассказать эти горы. Мало векового, и о многом могут рассказать эти горы. Мало векового довелось им повидать за прошедшие столетия.

XIII век. Давно ли отгорели пожары, зажженные здесь половцами? Еще помнят горы запах гари, дым, плотно окутывавший село. Опять быют копытами кони, несущие новых захватчиков и разорителей. Впиваются в деревья стрелы. Татаро-монголы лавиной катятся по Крыму, оставляя за собой развалины и реки крови.

Несколько раз проносились они у подножия этих гор. Захватывали это ущелье и соседние, и богатейший город-порт Сугдею (Судак). Золотом откупалась Сугдея от поработителей, уходили они, но вновь возвращались.

Во второй половине XIV века новые пришельцы — генуэзцы купили у татар 18 сел в окружности Судака. Скути вошло в состав Солдайского консульства.

...Перенесемся мысленно на несколько веков в прошлое, в такой же вот ослепительно яркий солнечный день. Не просторное село — кучки маленьких домиков жмутся к горам. А со стороны дороги, что и сейчас ведет ущельем в Белогорск (тогда Карасубазар), слышатся отдаленный звон цепей, приглушенные расстоянием щелчки бича. И вот уже в село втягивается караван невольников. Для большинства из них путь не окончен: Скути — только один из этапов между карасубазарским рынком, Судакком и заморским рабством. Некоторые останутся здесь, станут собственностью генуэзцев, а крепость их над морем, невдалеке от Скути, — тюрьмой и проклятием на долгие годы.

Село сочувственно смотрело на горестный караван крошечными оконцами приземистых домишек. Участь его жителей, как будто свободных, мало чем отличалась от самой тяжелой на свете — рабской.

Утвердились здесь и в соседнем Тасили (ныне Громовка) феодалы Гуаско. Братья Теодоро, Андреоло, Деметрио притесняли жителей деревни так, что «лишились они возможности сеять хлеб, косить сено, заготавливать дрова», — писал о бесчинствах Гуаско солдайский консул, обеспокоенный не положением крестьян, а тем только, что все ширили феодалы свою власть и владения в ущерб его, консульской, власти.

Платили жители Скути оброк и еще четыре новых вида налога ненасытным братьям. И все, кто следовал из Солдайи в Скути с товарами, оставляли торговую пошлину тем же братьям. Феодалы присвоили себе право вершить суд и расправу над жителями подвластной им деревни. Установили виселицы на площади в Скути, а в Тасили — позорные столбы. За ничтожную провинность — смерть. Невыносимым, беспросветным было существование жителей Скути.

После генуэзцев — турки. Проходили столетия — жизнь не становилась легче.

...Начало нашего века. Село теперь зовется Ускут. Ялтинская уездная земская управа посылает сюда статистику для выяснения положения его жителей. Выводы чиновника неутешительны. Ускутцы влачат нищенское существование. По их собственным словам «живут на комиссионеров и лавочников, а сами пользуются остатками». Дают недоимки, не расплатившись с ними. В среднем каждая семья должна выплатить 182 рубля — огромная сумма по тем временам. На семью приходится 0,06 коровы. В селе не выпускают ни одной газеты. Нет школы, больницы, даже медпункта. Сельчане голодают, мучают их болезни.

Чем же жить? Жили только надеждой на будущее, на лучшее будущее своих детей. И в меру сил боролись за него.

Новая жизнь пришла в октябре 1917 года. После революции и гражданской войны годы несли с собой перемен больше, чем столетия...

А сейчас какое оно, Приветное? Добротные дома, асфальтированные улицы. Двухэтажная школа, прекрасный детский сад, Дом культуры, кинотеатр. Недалеке от въезда в село магазин «Весна». И оформле-

Вид на село Приветное.

ние его, и ассортимент товаров удовлетворят самый взыскательный вкус горожанина. Новый винзавод и комбинат бытового обслуживания. Строить есть на что — в 1969 году совхоз получил свыше полумиллиона чистой прибыли.

В селе работают двадцать пять учителей, два врача, специалисты с высшим и средним агрономическим образованием. В совхозной библиотеке — свыше 11 тысяч томов, у многих отличные домашние библиотеки. И в

каждом почти доме — телевизор, холодильник, в просторных дворах «волги» или «москвичи», или ярко-красные «явы». Все это теперь так обычно, и мы бы не стали говорить об этом, если бы не прошлое села. Унылые, кровавые века словно приснились нынешнему Приветному.

...Прежде чем покинуть село, оглянемся еще раз. Мчатся по улице машины. Дети возвращаются в свой пионерлагерь. Туристы, оставив у шоссе рюкзаки, поднимаются по лестнице к памятнику советским воинам, погибшим при освобождении села весной 1944 года. Долго стоят они у обелиска. Видно отсюда все село, сегодняшнее Приветное. А прошлое почти не оставило здесь следов. От нищего Ускута сохранилось лишь несколько построек на окраинах. Убогие домишки с вросшими в землю окошками, полутемными комнатами, кривыми галереями на почти сгнивших подпорках отжили свой век. Кто-то из приветненцев высказал мысль, что надо бы оставить их для наглядного сравнения прошлого с настоящим.

От Гуаско — никаких следов. Ни пенька от виселиц, установленных ими, ни церкви Святой Анастасии, возле которой творилась расправа. Только глухая молва да архивные свитки донесли до нас события тех дней.

Есть, правда, еще башня. Иногда ее называют Генуэзской, но чаще Пастушьей (Чабан-Куле). Из Приветного башни не видно. Надо вернуться на шоссе, проехать по нему несколько километров, и тогда будет долго видна справа, на мысе Агира, одинокая круглая башня — некогда замок феодалов ди Гуаско.

Пройти к Пастушьей башне лучше всего с 58-го километра шоссе, где от мостика ведет вправо колес-

ная дорога. По ней можно проехать или пройти к морю, а потом подняться к крепости по тропе.

Побывать здесь стоит. От башни открывается великолепный вид на далекие мысы, входящие в море на западе и востоке. Море лежит внизу — спокойное ли, взволнованное или бурное, все равно — пучина.

Сама башня никому сейчас не страшная, чуть даже декоративная, словно построенная кем-то «понарошку», ради экзотики, что ли. Старые-старые, позеленевшие от времени, но еще очень крепкие стены и после заката долго хранят солнечное тепло, и хорошо посидеть здесь, прислонившись к ним, послушать тишину и море.

А когда внизу у подножие мыса Агира бьется шторм и свистит вокруг ветер, старая башня глухо гудит, словно оживают в ней все сражения, удары которых она принимала, чьи-то крики, стоны, плач, звон мечей...

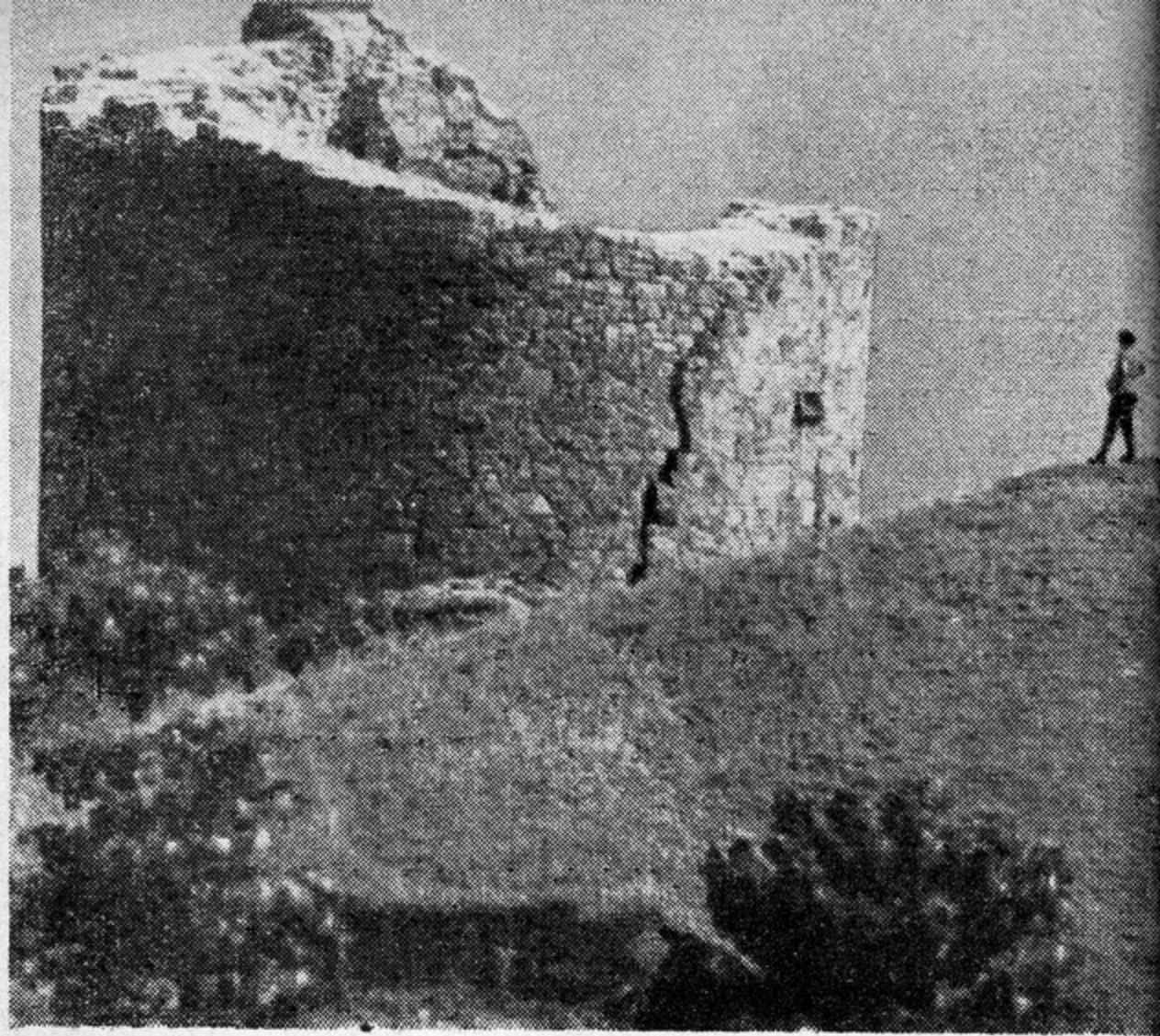
Некогда грозная, а теперь такая мирная, башня Чабан-Куле и дряхлеет, рушится мирно, безропотно...

А тишины вокруг скоро не станет. Уже проектируется новый курорт «Пастушья башня» с пансионатами, кемпингами, лагерями отдыха. В будущем курортный комплекс сможет принять 4000 человек одновременно. Пастушья башня станет центром нового курорта — так уж выгодно она расположена.

БЕРЕГ ГЕРОЕВ

Если спуститься от Пастушьей башни на шоссе и пройти по нему чуть больше километра, откроется вправо и влево еще одна просторная бухта характер-

Пастушья башня.

ных для юго-восточного Крыма очертаний — неглубокая, мягко-овальная, с прекрасным пляжем. Шоссе здесь подходит к нему вплотную, и слышно, как, лопоча о чем-то своем, тихо набегают на берег волны. Справа застыла над морем Пастушья башня. К самому ее подножию подобралась палатка — это автостоянка «Чабан-Куле». Слева бухта замкнута невысо-

ким мысом, за ним — пансионаты и лагеря отдыха села Морского.

По левую сторону от шоссе укреплена на парапете мраморная доска с надписью: «Здесь в августе 1920 г. была высажена группа партизан во главе с А. В. Мокроусовым для организации партизанской борьбы в Крыму».

Десант... Спокойное французское слово «схожу», «спускаюсь» — каким грозным смыслом наполнило его время! Сделало взрывным, равнозначным «врываюсь». На территорию, занятую врагом. Чтобы взорвать ее у него под ногами.

Немало героических страниц вписали советские десантники в боевую летопись нашей Родины. Еще со времен гражданской войны.

1920 год. В Крыму врангелевцы. Борются с врагом подпольные организации полуострова и партизаны.

Родина знала об этой нелегкой борьбе. Партия прислала подмогу.

17 августа 1920 года. Раннее утро. Море едва плещет, молочно-белое, туманное, неотличимое вдали от неба. Корабль, идущий от горизонта, вначале кажется миражем. Но вот очертания его становятся четче, реальней. Он идет курсом западнее Морского. Уже можно определить — это катер. Можно прочесть его название — «Гаджибей». Различить у руля невысокого, коренастого человека. Резко положив руль вправо, он вполголоса отдает команды.

Катер неслышно подходит к берегу. С него сходят люди. Выгружают ящики с патронами, пулеметы, снаряжение. С тяжелым грузом на плечах десантники быстро переходят шоссе и поднимаются одной из лощин, режущих склоны холмов по всем направлени-

ям. Идти тяжело — ноги вязнут в осыпающемся грунте, на плечи давит не только груз, но и усталость — позади долгий, трудный, бессонный путь под угрозой встречи с вражескими кораблями.

Необходима передышка, и, осмотревшись, выставив охрану, десантники засыпают тут же, в ущелье, недалеко от берега.

Коренастый человек — Алексей Васильевич Мокроусов. Центральный Комитет Коммунистической партии Украины и Реввоенсовет Юго-Западного фронта поручили ему создать из разрозненных партизанских отрядов и групп единую Повстанческую армию с тем, чтобы наносить концентрированные удары по врангелевцам с тыла.

В группе Мокроусова — Иван Папанин, Василий Погребной, Александр Григорьев, Александр Васильев, Дмитрий Соколов и другие, всего одиннадцать человек. У каждого за плечами не одно сражение; все закаленные, мужественные бойцы.

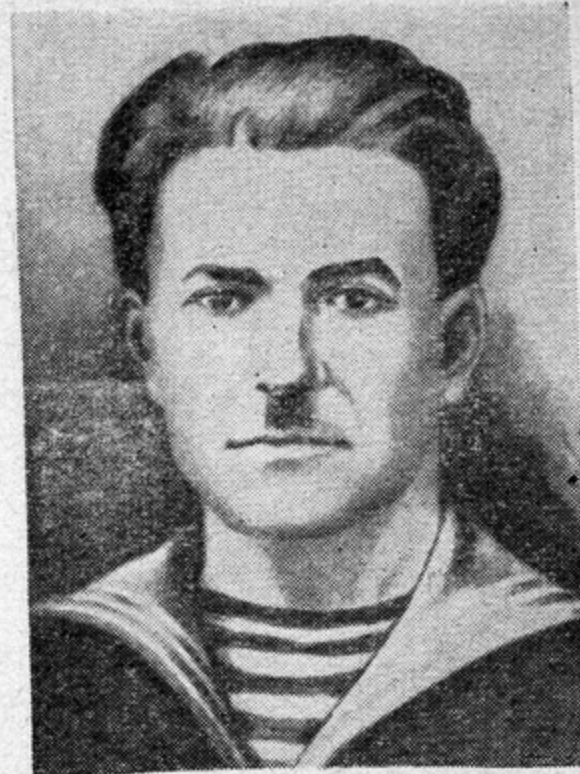
Биография Мокроусова к тому времени уже прочно обросла легендами. И многое в них — правда! Батрак, а затем шахтер в Донбассе и в Глазго. Балтийский матрос, побывавший в Лондоне, Сиднее и Буэнос-Айресе. Политический эмигрант, нашедший свое место в шеренгах рабочего движения Швеции, Дании, Австралии, Аргентины. Повидавший жизнь, твердо определивший свой путь в ней, свое место в борьбе, которая уже шла на разных континентах, в разных странах, разделенных морями и даже океанами.

Раз определив свою сторону баррикад, Алексей Мокроусов дрался за дело большевиков всю жизнь. В первых октябрьских революционных боях он командовал отрядом моряков-балтийцев, которые захватили Петроградское телеграфное агентство. И всю гражданскую — в Красном Сулине, Шахтах, Новочеркасске громил калединские банды, оборонял Херсон, Ростов, Таган-

рог от кайзеровских полчищ. А потом 3-я бригада 58-й Краснознаменной дивизии под командованием Мокроусова выбивала деникинцев из Фастова, Киева.

Крым особенно памятен. Во главе отряда революционных моряков-севастопольцев Мокроусов помогал устанавливать Советскую власть в Феодосии. В Севастополе сформировал отряд и повел его на Дон, против Каледина...

Окончилась гражданская война, но баррикады в мире остались. И военный советник Арагонского фронта Алексей Мокроусов борется с фашизмом в Испании. А в 1941-м становится во главе партизанского движения Крыма. Потом полк под его командованием участвует в освобождении Бухареста, Белграда.

А. В. Мокроусов.

Прибывшие вместе с Мокроусовым товарищи формируют партизанские отряды, сплачивают их в единый крепкий, боевой коллектив. Сам Мокроусов возглавляет штаб Повстанческой армии.

Партизанские полки еще малочисленны, но после рейда по селам юго-восточного Крыма значительно пополняются жителями здешних деревень.

Партизаны спускаются с гор к Солнечногорскому, захватывают село, потом — соседнее Малореченское. Пристав Голиков и 30 стражников, смертельно испуганные, почти не оказывают сопротивления.

Снова веет над селами юго-восточного Крыма ветер свободы. Малореченцы собираются на митинг.

Здесь в 1920 году высаживался десант Мокроусова.

Отряд уходит из села значительно пополненным. Рыбачье, Приветное тоже дают партизанам бойцов, снабжают продовольствием.

Партизанские полки становятся для врага грозной силой. Белогвардейская газетенка «Вечернее время» захлебывается от страха:

«Существование партизан приняло такой угрожающий характер, что замалчивать это... явление значит закрывать глаза на огромную опасность. Фактически дороги Крыма стали непроходимыми».

Под ударом не только дороги, партизаны громят вражеские гарнизоны в Генеральском, Алексеевке, Судак.

Задача выполнена — тыл Врангеля взорван.

Наступил день, когда и в горах стали слышны раскаты орудий: в степях Северной Таврии Красная Армия перешла в решительное наступление на врангелевцев.

В ноябре 1920 года к побережью западнее села Морского подошло небольшое судно МИ-17. Была глухая ночь. Море штормило. Огромные волны с грохотом обрушивались на берег. Человек на палубе, напряженно всматривающийся в темноту, привязан веревками к мачте, чтоб не смыло. Уйти ему нельзя: он знает фарватер.

Три месяца назад он, Иван Папанин, уже высаживался здесь с десантом Мокроусова. Потом был послан на связь с командованием Южного фронта. Теперь он возвращается с подмогой — везет партизанам пулеметы, бомбы, патроны.

Катер подходит почти вплотную к берегу. Теперь все десантники на палубе. Рядом с Папаниным его помощник по политической части, старший пулеметчик Всеволод Вишневский.

Берег молчал. Прыгали прямо в воду. Перетащили груз. Высадка прошла успешно.

Дивизии М. В. Фрунзе уже гнали белогвардейцев с крымской земли. Врангель вынужден был бросить навстречу Красной Армии все свое черное воинство, чтобы остановить наступление. Это не удалось.

Оставшихся на побережье врангелевцев разоружили десантники, двинувшиеся к Алуште.

Через двадцать с лишним лет на побережье снова высаживались советские десантники. Об их подвигах напоминают обелиски. Один из них высится в селе Ворон.

Поворот к этому селу — на 65-м километре шоссе, между Морским и Веселым. Согласно дорожному указателю 4 километра отделяют от шоссе села Ворон и Междуречье. Не пропустите развилку (до нее 2 километра), от которой одна дорога ведет в Междуречье, а вторая — влево, в Ворон.

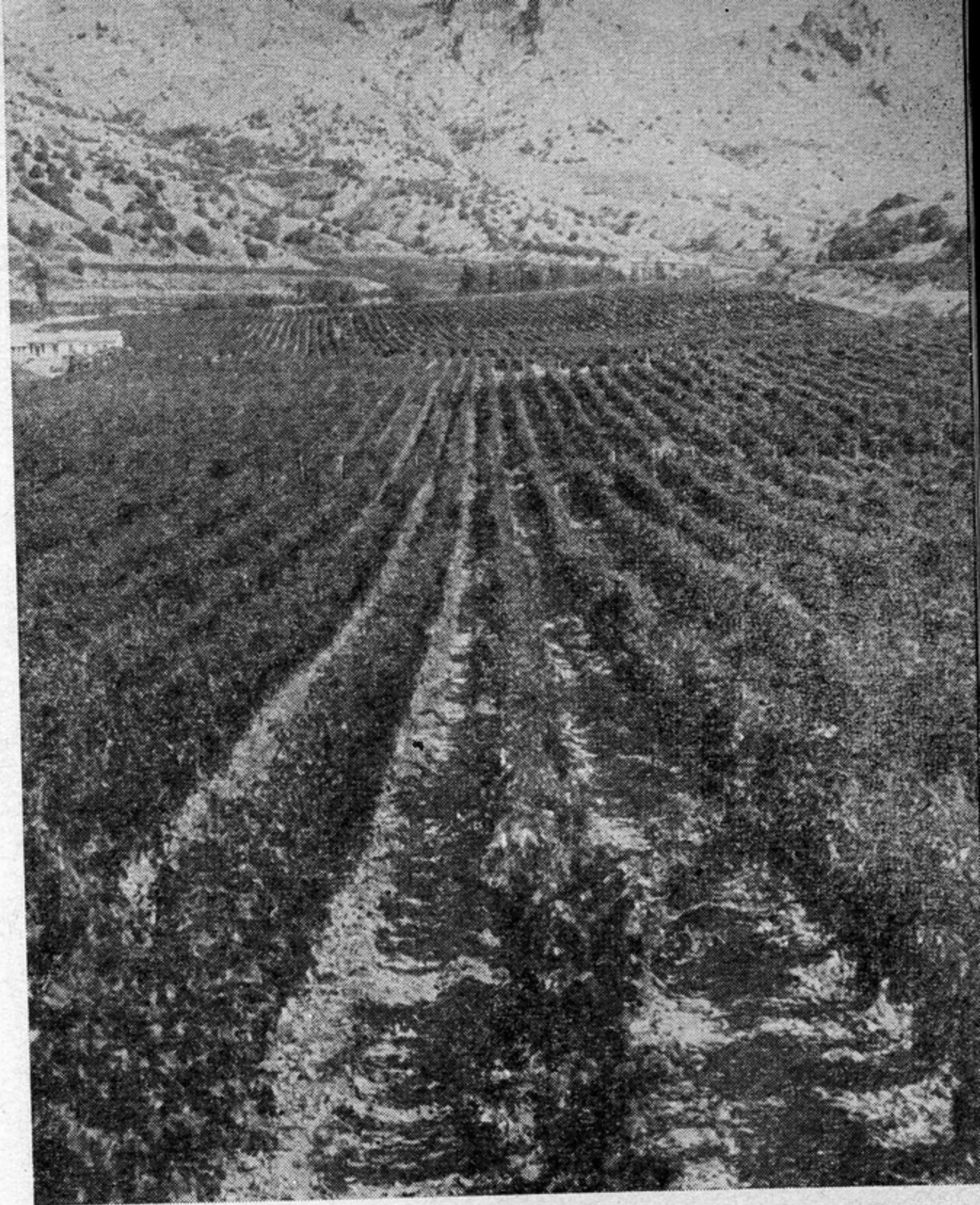
...Отойдя немного от шоссе, обернемся. Вдали синим треугольником застыло море. По обе стороны реки Ворон, вдоль русла которой мы идем, — сады, виноградники; они тянутся по долине почти до самого села. Земли здесь принадлежат совхозу «Морской», Воронскому его отделению. Долина — плодороднейшая, щедро воздающая людям за их труд.

Невольно ловишь себя на том, что, собираясь вести рассказ о прошлом, опять отталкиваешься от картины мирной, сегодняшней. Когда случается оставаться наедине с землей, самой природой предназначенной для тишины, цветения, изобилия, всегда содрогаешься при мысли о том, как ее заливали кровью, жгли, пересекали окопами.

А эта долина, чью кровь, чьи жизни она приняла?

...Январь 1942 года. В Новом Свете, Судак, восточнее него высаживаются подразделения советских десантников. Их задача — помочь феодосийскому десанту отвлечь на себя силы гитлеровцев, прорваться на встречу феодосийцам, соединиться с ними.

Виноградники в долине реки Ворон.

На враждебно затаившемся берегу — ни огонька. Десантники прыгали в ледяную воду, а ветер тотчас же превращал их шинели в звенящие панцири.

Первые шаги прошли в тишине. Да, вокруг была тишина, но она таила опасность, каждое мгновение грозила взорваться, выплеснуть огонь, смерть. И взорвалась...

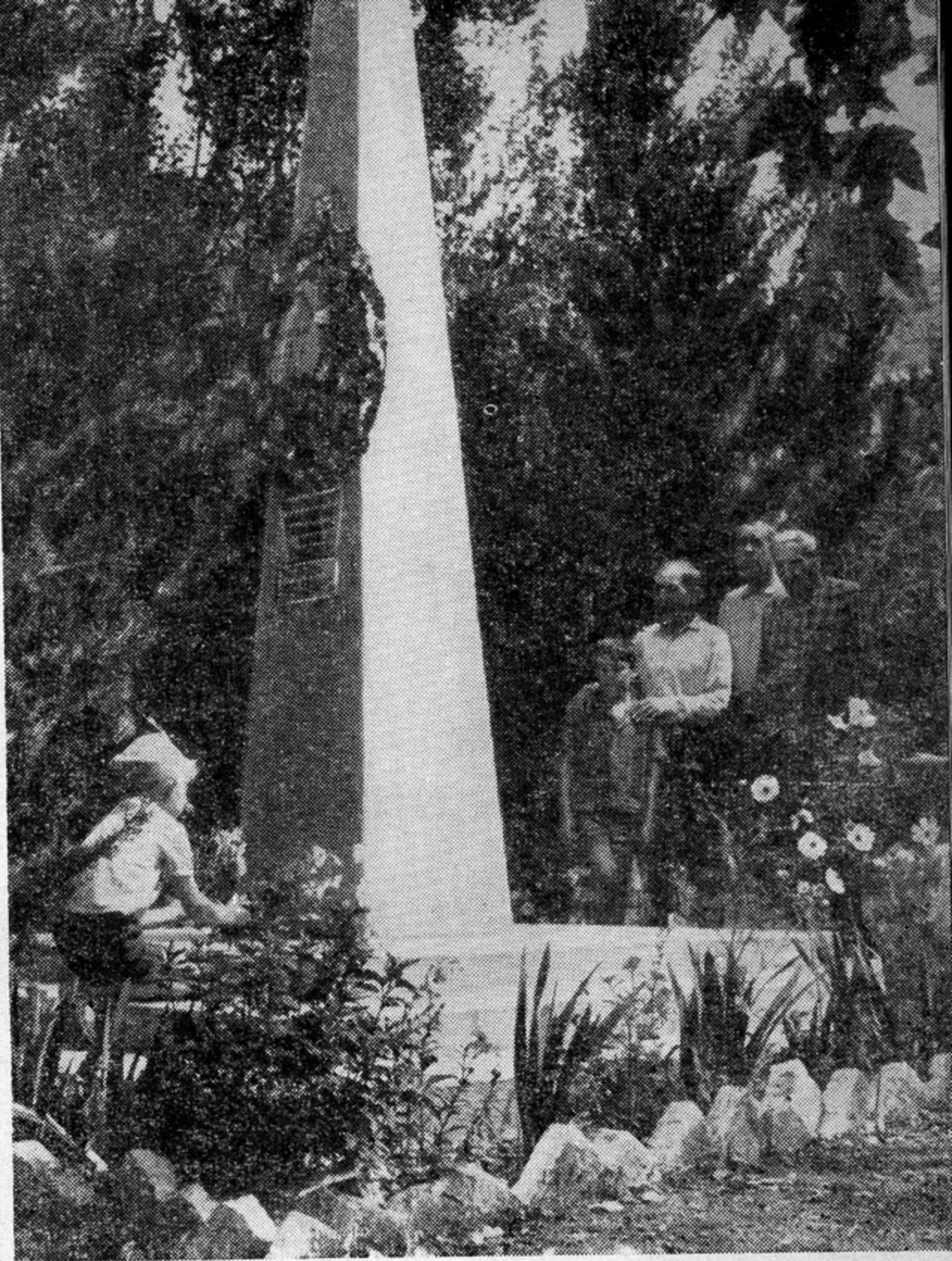
Каждая балочка этих изрезанных берегов становилась для десантников оборонительным рубежом. Фашисты били по ним из минометов и пушек, бросали в бой все новые и новые свои части. Взятые в кольцо моряки дрались до последнего, в плен фашисты захватывали только тяжелораненых. Часть десантников прорвалась в лес к партизанам.

Неизвестно, как шли сюда в январе 1942 года семеро десантников. Их путь прослежен пока только в самом Вороне. Пастух, которого встретили они в уединенном домике, недалеко от села, сказал: «Идите в Ворон смело, фашистов там нет». Моряки пошли. Они смертельно устали, очень долго не ели, а путь к горам, где можно встретить партизан, еще долог. Зашли в дом на краю села.

Они не успели поесть, когда услышали под окнами шум мотора. Бросились к окнам и увидели, как с грузовика спрыгивают гитлеровцы. Поняли — предательство. Прикинули — врагов около двадцати. Надежды уйти отсюда, из этого дома, из этого села — никакой. Моряки открыли огонь.

Девять гитлеровцев один за другим свалились возле дома. Оставшиеся в живых фашисты подожгли дом. Металось, гудело пламя. И вдруг послышался «Интер-

Памятник семи десанникам в селе Ворон,

национал». Семеро пели его в полный голос и допели до конца, прежде чем рухнула крыша.

Немногое до сих пор известно о семерых героях. Все они были из морской пехоты—в черных шинелях, на бескозырках красные звезды. Известны их имена: старшина Резников, краснофлотцы Ф. С. Ремень, С. П. Корукин, Н. Котельников, Нестеренко, Псковцев, И. И. Авдиенко.

Многие считали: их подвиг — легенда. Потом была о семерых десантниках рассказала в своей книге очерков крымская журналистка Лидия Литвинова. Рассказала со слов жителя Ворона Петра Владимировича Петрунина.

Обелиск в сельском парке. Надгробье с именами семи краснофлотцев. Спросите о тех, кто похоронен здесь, и вас отошлют к Петру Владимировичу. Не потому, что не знают о подвиге десантников, просто именно за Петруниным признано право первым рассказывать о них. Он приехал в село вскоре после его освобождения от фашистов в апреле 1944 года. И увидел на околице могилу. Поставлен был на ней самодельный крест, а к нему прикреплена дощечка с семью именами. В тот же день узнал Петрунин о десантниках все, что могли рассказать ему местные жители. И про неравный бой. И про то, как рвался из пламени «Интернационал». И как потом долго стояли возле пожарища фашистские часовые. Как тайком похоронили жители обгоревшие останки героев и установили на могиле простой деревянный крест. И про предателя — его уже постигла заслуженная кара... Подолгу стоял Петрунин у могилы, комкая шапку в руках.

Сам солдат, сражавшийся с врагом в крымских лесах и под Севастополем, израненный, умиравший и не умерший, он не мог смириться с тем, что останутся эти семеро почти неизвестными — ведь, кроме воронцев, никто не знал о них.

И Петрунин стал слать письма и запросы в архивы. Приходили ответы, а он снова писал. И опять приходили ответы, теперь уже от родственников погибших. Они благодарили солдата, а потом приезжали в Ворон и долго стояли с Петруниным у

могилы, что в центре села. Да, теперь она не у околицы, а в центре; ту первую братскую могилу могла размыть река, да и к тому же была она на отлете, а сейчас лежат десантники «у всей нашей жизни на виду», как говорят в селе.

И Петр Владимирович, и каждый житель Ворона покажет вам то место, где держали последний свой бой моряки. Неглубокая лощина. Справа и слева скалы. Лощина упирается в крутой, оголенный склон. Да, трудным был последний рубеж героев...

Ворон. Обычное вроде бы крымское горное село. Идешь сюда — сады вокруг, виноградники. Идешь обратно — не видишь ничего. Не так это просто: в один день пройти путь длиною в тридцать почти лет. Не так это просто — встретиться с бессмертием.

ТАМ, ГДЕ ШУМЕЛИ ЛЕСА

Село Морское мы уже проезжали, направляясь в Ворон. Теперь нужно вернуться сюда, чтобы познакомиться поближе с селом и Капсихорской долиной, в которой оно расположено.

Капсихорская долина издавна славилась целебным климатом и отменным плодородием. Недаром еще в ту пору, когда екатерининские вельможи и чиновники делили между собой крымские земли, долину облюбовал для себя правитель потемкинской канцелярии В. Попов. Климатические достоинства этой местности (среднегодовая температура +12°, осадков 350 мм, много солнца) тоже были оценены уже давно: здесь лечили больных песочными ваннами, а в 1910 году была организована дачная «колония»; в числе ее членов были Леонид Андреев, Федор Шаляпин. Но

курортом Морское не стало, и жители его тоже едва перебивались, несмотря на плодородие здешней земли.

Теперь Морское — курорт, и эта новая страница в биографии села и долины «читается» вполне отчетливо. В просторной бухте — пляжи пионерлагеря «Прибой», туристского лагеря «Зенит», пансионата. В недалеком будущем курорт сможет принять одновременно до 5000 человек.

Само село, еще недавно расположенное в двух километрах от шоссе, доросло уже до моря. Своим обликом — широкие зеленые улицы, благоустроенные домики-коттеджи, парк — оно схоже со многими приморскими курортными поселками, и новые черты — корпуса здравниц, спортплощадки, курзал — лишь сделают этот его облик еще определенной, четче.

Виноградники совхоза «Морской» по площади уступают лишь плантациям таких крупнейших хозяйств, как «Коктебель», «Судак», а по урожайности с гектара (в среднем 120 центнеров) и валовому сбору хозяйство прочно держит первенство. Давно уже вышли виноградники «Морского» за пределы Капсихорской долины, отлично чувствуют себя и на склонах холмов, ранее считавшихся бесплодными. Особенно хорошо плодоносит на новых землях совхоза (а их только за последние четыре года стало 34 гектара) сорт Бастардо магарачский. Красное вино, приготовленное из этого сорта, отличается исключительно приятный букет.

Вслед за Капсихорской шоссе пересекает еще одну долину — реки Ворон, а затем втягивается в живописное Оленье ущелье. Название его родилось, по-видимому, еще в те времена, когда на склонах, одетых сейчас низкорослым кустарником, высился лес и водились в нем олени.

Короткий «техосмотр» — и снова в путь.

Да, шумели здесь леса, и не в какие-то очень отдаленные времена, а менее двухсот лет назад; тогда и долина Марианиде, в которую спустится дорога за Оленьим ущельем, покрыта была можжевельновыми лесами. Их еще видел Паллас, и Сумарокова во время его путешествия по здешним местам встречали повсюду «одни только хребты гор, покрытые лесом».

Трудно себе представить, что может на десятках километров совершенно исчезнуть лес. Ну, можно сотню деревьев срубить, проложить широченные просеки, но

*«Стоит одиноко на гол-
лой вершине сосна...»*

чтобы совершенно, до кустика, до пенечка истребить леса... А между тем в Крыму это случилось. Если в 1888 году на полуострове было 334,2 тысячи гектаров лесов, то к 1921 году осталось всего 243,1 тысячи гектаров. Особенно пострадало побережье между Судакom и Алуштой.

Н. А. Головкинский в своем «Путеводителе по Крыму» издания 1894 года писал: «По склонам глубоких оврагов есть кустарник и мелкий лес, но главная площадь местности от моря до скал и крутых

осыпей яйлы смотрит пустыней, леса, некогда ее покрывавшие, иссякли».

Истребление леса обернулось трагедией. Леса — хранители вод, более того, они — громадное природное гидротехническое сооружение, умиротворяющее буйство рек, оберегающее почву от эрозии, а горные склоны от оползней. Легче лес вырубить, куда труднее вырастить его. На это уходит не одно десятилетие. На протяжении всего пути мы видели уже заложенные парки будущего, и склоны гор, которым на многие километры возвращен зеленый покров; и деревья вдоль дороги щедро дарили нам тень, порой выстраиваясь тесно, сплошной стеной. Крепко вцепились даже в отвесные склоны гор тысячи деревьев, набираясь жизненных сил у земли и одновременно оберегая ее. Пока что они — подростки, но их хранят, за ними ухаживают, и недалеко то время, когда зашумят на ветру леса между Алуштой и Судакom.

Над проблемами озеленения горных склонов работают уже много лет сотрудники Алуштинской горно-лесной опытной станции. Заботами их и работников Алуштинского и Судакского лесничеств возвращены будут этому побережью леса — сорок миллионов деревьев предполагается посадить здесь по плану.

Люди вернут этой земле ее гордость и защиту.

Из Оленьего оврага шоссе спускается в Кутлакскую долину к белым домикам села Веселого.

К НОВОСВЕТСКИМ БУХТАМ

Широкая Кутлакская долина, заполненная садами и виноградниками совхоза «Веселое», приводит к просторной бухте, которую замыкают с запада мыс

Ай-Фока, с востока отроги Караул-Обы (Сторожевой вершины).

В Кутлакской бухте отличный пляж. В будущем здесь расположится лагерь отдыха на 800 мест. Пока что бухту освоили «робинзоны» — наши гости из Ворошиловграда; их лагерь раскинулся у самого берега.

Миновав бухту, поднимемся тропой по склону прибрежного холма и, обогнув его, увидим местность, резко не похожую на только что пройденную. Вместо оголенных или покрытых мелкоколесьем холмов — нагромождение скал и яркая зелень сосновой рощи, вместо просторных бухт — каменный хаос на берегу, обломки скал, сброшенные в море, вместо пологих долин — ущелья, обрывы, теснины. И над всей этой броской красотой — скалистые уступы Караул-Обы. У подножия ее, круто срывающегося в море, — два стража; они видны издалика, слитые со Сторожевой вершиной, придающие ее силуэту сходство с гигантским двурогим носорогом.

Тропа круто берет вверх, вьется среди скал и дальше по склону, над группками сосен и сосенок. Пахнет хвоей, разогретым камнем и морем. Два «рога» Сторожевой вершины послужат нам ориентиром. Возле них свернем влево, в ущелье. Несколько метров подъема, и справа мы видим еще одно ущелье, отвеснее, уже — щель в скале, с виду неприступная.

Поворот, и вдруг совершенно неожиданно — лестница. Далеко не идеальная, «аварийного состояния» (ступени обвалились, а кое-где и вообще провалы), но самая настоящая лестница, и нет никаких сомнений, что сотворил ее человек, а не природа. Это, пожалуй, первое из новосветских чудес — ущелье «Адамово ложе», все увитое плющом, прохладное даже в самую

сильную жару. А лестнице лет столько, что и счесть трудно: существует она еще с таврских времен.

Столетия разрушили ее почти до основания, но в 80-х годах прошлого века лестница была отстроена тогдашним владельцем Нового Света Л. С. Голицыным.

Несколько изгибов «Адамова ложа», подъем по глубоко провалившемуся дну его — и мы выходим к вершине Караул-Обы. Слева высится скалистый уступ. Взойдем на него. Посвистывает здесь ветер, а то вдруг рванет так, что прислонишься к дереву, обхватишь его крепче. А уйти трудно, невозможно оторваться от великолепной панорамы. И Аю-Даг виден, и мыс Агира с Пастушьей башней, а по другую сторону мыс Алчак, и Меганом, и близлежащие бесконечные холмы, и Демерджи, и Караби-яйла... Но впереди еще чудеса Нового Света, а потому — в путь.

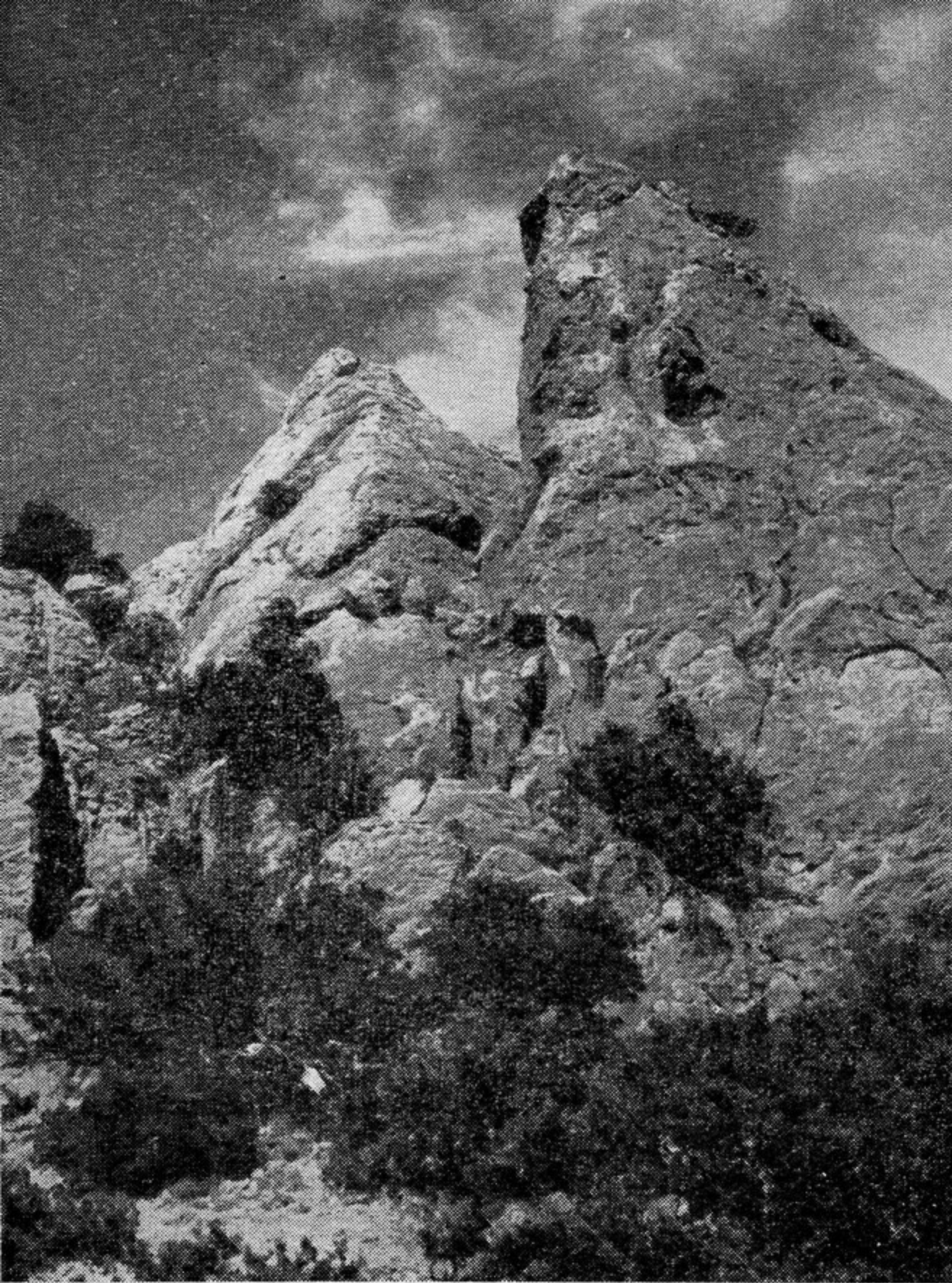
Тропа круто спускается вниз, и вдруг с одного из ее поворотов мелькнет сквозь деревья спокойная, удивительно голубая вода в неширокой, уютной бухте.

Спускаемся по тропе еще ниже, в ущелье, и выходим к пляжу. Прекрасный пляж, глубокая бухта. Слева мыс Калчик, невысокий, длинный, расплюснутый, напоминающий древнего зверя из породы каких-нибудь «завров», тяжело вползающего в море. Тропа дальше идет «боком» этого зверя, а он, похоже, пытался сбросить ее в море, заваливал камнями, но не одолел.

Пройти по тропе можно, хотя местами и нелегко. Но вот преодолены наиболее «коварные» участки, и мы у Сквозного грота; он прорезает мыс Калчик и выводит к отвесным скалам на берегу Синей бухты.

Но лучше вернуться опять на тропу и подняться

к вершине мыса Капчик; тропа здесь, кстати, вполне благоустроена — широкая, переходящая в лестницу.

На вершине мыса опять ветер, далеко видно взволнованное море. А Голубая бухта спокойна, прозрачна — каждый камешек на дне ее отчетливо виден.

О Голубой бухте можно говорить стихами, бесконечно искать и нанизывать добрые, красивые слова о том, как удивительно она хороша. А лучше всего — молчать и смотреть, вбирая в себя красоту.

С вершины мыса Капчик открывается вся Синяя, или Разбойничья, бухта. Метко окрестили ее. Действительно, здесь и море бурлит, и нагромождение скал, камней... Беспокойной и неласковой выглядит бухта, особенно после Голубой.

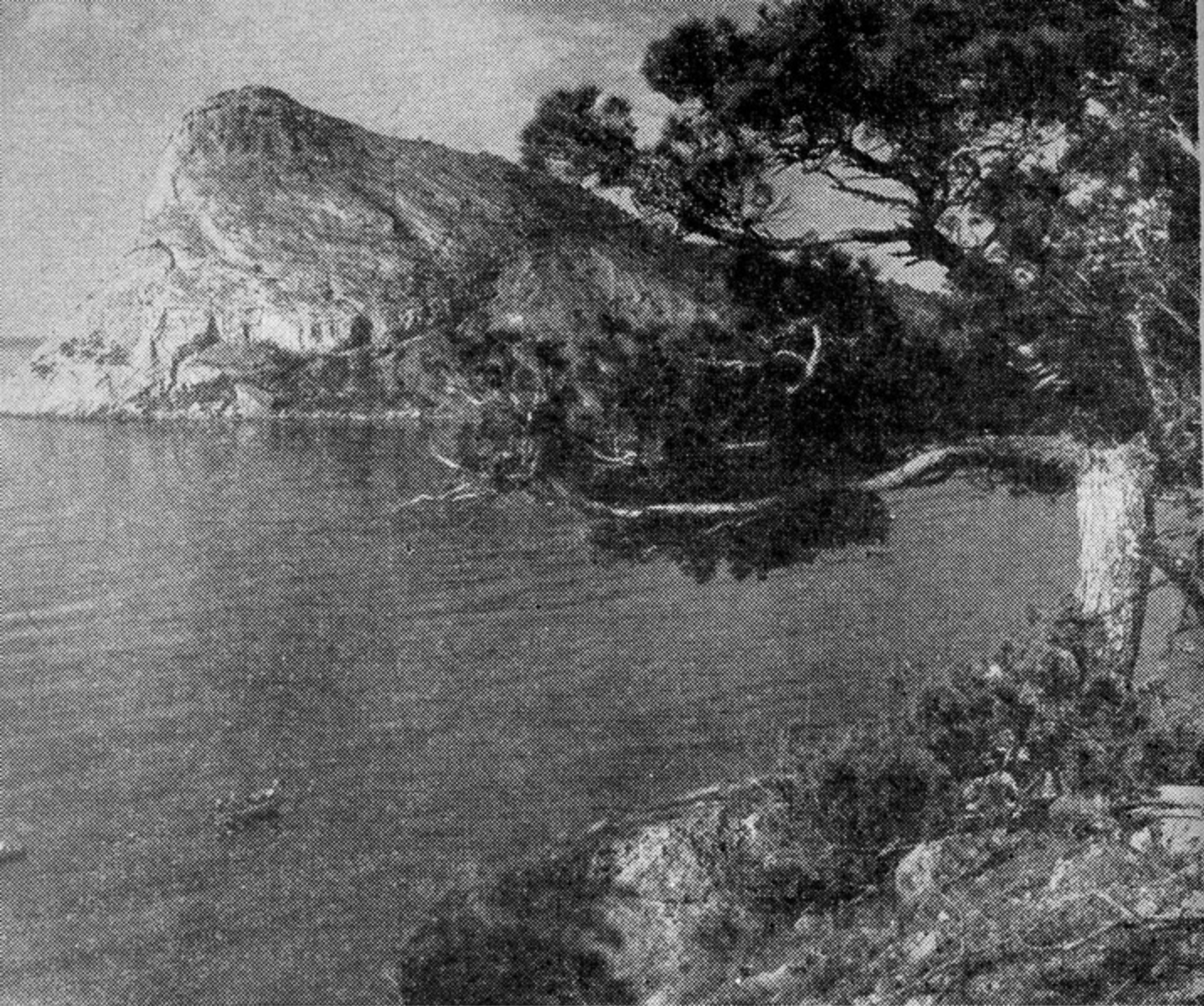
С востока Синюю бухту замыкает Хоба-Кая (Пещерная скала). Огибая бухту по тропе, а потом поднимаясь к скале полуразвалившейся лестницей, оглянитесь еще раз на мыс Капчик. Вас опять поразит его сходство с древним диковинным зверем. Нависшие брови, плоский нос, а рот ушел под воду, словно хотел зверь уползти на дно, но какая-то сила остановила его здесь навсегда.

Мы у мыса Хоба-Кая. Прежде чем выйти на окончательность его, спустимся в огромный грот (он и дал название мысу), где некогда Л. С. Голицыным был устроен подвал для хранения шампанского в бутылках. Еще и сейчас можно увидеть в глубине грота каменные «соты». Грот обширен, под сводами его свободно мог бы поместиться палаточный туристский городок, тем более, что есть здесь источник отличной питьевой воды.

Караул-Оба.

Новый Свет. Голубая бухта.

Дальше тропа огибает Пещерную скалу, жметя к каменному ее выступу и открывает третью (главную) новосветскую бухту — Зеленую и сам поселок Новый Свет. Отличный пляж, обширный парк, здание, увенчанное башенками (завод шампанских вин «Новый Свет»), и легкие современные здания пансионатов.

Более чем полтора века насчитывает история шампанского виноделия в Судак. Вначале производилось его до невероятности мало: за 5 лет (с 1822 по 1827 год) всего 100 ведер. Но шампанское было отличного качества, им заинтересовались на родине этого великолепного напитка, во Франции. Долгое время предприимчивый представитель знаменитой фирмы Клико даже сбывал судакское шампанское под маркой Клико.

В 80-х годах прошлого столетия производством шампанского занялся в своем имении Новый Свет Л. С. Голицын, основоположник отечественного промышленного шампанского виноделия.

Голицын повел дело на строго научной основе и очень широко. О его подвалах, где выдерживалось шампанское, вскоре заговорили как о редкой диковинке. Подвалы эти, заложенные под землей на большой глубине, тянулись почти на 4 километра. Пробитые в плотно спрессованных глинистых толщах, они не требовали ни облицовки, ни крепления стен.

Славилась единственная в мире так называемая «библиотека вин» — свыше 32 тысяч бутылок вин всех годов и стран. А в 1900 году прославилось и новосветское шампанское — на Всемирной выставке в Париже оно завоевало золотую медаль.

Голицын был только энтузиастом, а не ловким предпринимателем, и действовал без всякой поддержки со стороны государства. В конце концов он разорился. После его смерти в 1916 году Новый Свет пришел в запустение.

Вторая жизнь Нового Света началась после Октябрьской революции. Новосветский завод возродился, и вскоре шампанское марки «Новый Свет» вновь заставило говорить о себе.

После Великой Отечественной войны разрушенный, разграбленный фашистами завод в третий раз вернулся к жизни, и эта третья жизнь Нового Света — самая славная, богатая, масштабная.

В 1969 году завод шампанских вин «Новый Свет» выпустил более 780 тысяч бутылок «Советского шампанского», на выдержку в хранилища заложено свыше миллиона бутылок.

Новосветское шампанское считается лучшим в Советском Союзе. Оно отмечено Большой золотой ме-

далью на Всемирной выставке в Брюсселе (1958 год), Золотой медалью на Всемирном конкурсе вин в Тбилиси (1965 год).

О новосветском шампанском говорят: «пенящееся солнце», еще — «искристая песня», еще — «само совершенство». Работники завода продолжают его совершенствовать. Аромат, вкус вина станут еще изысканней и утонченней.

Новосветские бухты — одни из красивейших в Крыму. Недаром долгое время звалось это место Парадиз — Рай. Конечно, выпренне, но именно такой представлял себе человек высшую степень природной, земной, живой красоты.

Берег в Новом Свете тоже великолепен. Горизонт над Зеленой бухтой замыкают горы: на севере величественный Сокол и гора Перчем, на западе гора Сандык с мысом Сторожевым, на юго-западе — Пещерная скала. Взяв в полукольцо Новый Свет, горы обеспечили ему отличный микроклимат, очень мягкий и ровный. Зимой здесь почти никогда не бывает снега, а весна приходит гораздо раньше, чем в Судак, хотя до него всего 5 километров. Растения в Новом Свете в основном средиземноморские. Роща древовидного можжевельника спускается к самому пляжу. А рядом с можжевельником растет сосна судакская, или Станкевича, — третий реликт, остаток флоры незапамятных времен, от которых отделяют нас миллионы лет.

С можжевельником и сосной соседствуют в Новом Свете дуб и грабинник, терпентинное дерево, скумпия и держидерево. Новый Свет — заповедный памятник природы, он требует к себе бережного отношения.

Из Нового Света в Судак ведет отличная дорога. Шагать по ней легко даже очень уставшему. Виды она с каждого поворота преподносит отменные — то задорно поднятый нос мыса Алчак, а за ним спокойный силуэт Меганомы, то отвесный, даже чуть выпуклый склон горы Сокол влево от дороги. Вблизи гора кажется куда величественней. И диву даешься, как удерживается на каменистых обрывах сосна Станкевича — стволы ее у основания узловатые, словно мускулы, окаменевшие в усилия раздвинуть камень.

За последним поворотом шоссе открывается крутой горделивый взлет Крепостной горы с зубцами и силуэтами башен Судакской крепости, а справа внизу — стоящая особняком, затененная горой и потому всегда особенно мрачная, насупленная башня Астагвера (Портовая). А вот показались и здания пансионатов... Это уже окраина Судака, описанного в путеводителях, исследованиях, исторических романах.

В Новый Свет можно попасть и иным, совсем неутомительным путем. Для этого достаточно, не сворачивая в Кутлакскую долину, следовать от Веселого дальше по шоссе. Оно бежит среди гор, пока не достигнет душистой Ай-Савской долины. В мае вся она заполнена чудесным ароматом — здесь раскинулись плантации розы и лаванды эфиросовхоза «Крымская роза». Он вырабатывает розовое и лавандовое масло, высоко ценимые парфюмерами и кондитерами.

И роза, и лаванда для Крыма, да и вообще для нашей страны — культуры сравнительно молодые. Лаванда стала возделываться в 1928 году на Южном берегу Крыма, потом в предгорных районах, затем под Судаксом. В это же приблизительно время появились в Крыму и эфирномасличные культуры роз.

По соседству с землями «Крымской розы» находятся плантации совхоза «Судак». Он производит главным образом виноград, прежде всего сорта Кокур, из которого получают отличное десертное вино. Возделываются и такие признанные сорта, как Алиготе, Мускат, Семильон. Кроме винограда, в совхозе выращивают груши, яблоки, персики; 70 гектаров занимают табачные плантации.

Всему Крыму и за его пределами известны имена людей, которые своим трудом прославили это хозяйство — дважды Героя Социалистического Труда М. Д. Князевой, Героев Социалистического Труда Б. Н. Машиной, Л. Г. Квапель, В. Н. Сандетовой.

Опять виноградники, виноградники... Поворот шоссе — и мы въезжаем в Судак. Из Судака добраться до новосветских бухт несложно. До Генуэзской крепости можно доехать автобусом, потом пройти по шоссе и дальше тропами до Голубой бухты. К Сторожевой вершине подниматься не советуем, куда спокойней любоваться ею издали.

НА КАРАБИ-ЯЙЛУ

Этот маршрут мы рекомендуем далеко не всем, кто знакомится с побережьем между Алуштой и Судакком.

Путешествие по яйле, осложненное трудностями подъема и отсутствием сколько-нибудь определенных ориентиров, требует выносливости, сноровки, специального снаряжения и — обязательно! — хорошо знающего местность спутника-проводника.

Тем, кто уже натренирован в нелегких восхождениях, кто интересуется спелеологией или геологией, кто хочет познакомиться с удивительно интересным

подземным миром Крыма, — всем любителям нелегких троп побывать на яйле просто необходимо.

Несколько слов о крымских яйлах, о «внешности» и «характере» их. Каждая из них — своеобразная область со своим рельефом, климатом, растительным и животным миром. Зона яйл — самая солнечная и вместе с тем самая холодная на полуострове. Зимой здесь лежит снег, часто дуют сильные ветры; в это время яйлы негостеприимны, опасны. Для них характерна повышенная влажность (на Караби выпадает в год 565 мм осадков); здесь рождаются почти все крымские реки и речушки. Местами по склонам яйл растет лес, большие площади заняты горными лугами.

Крымские яйлы дают неисчерпаемый материал для исследователей — геологов, ботаников, почвоведов, географов, спелеологов. Караби в этом отношении не исключение. Мы уже говорили, что это самая обширная среди крымских яйл. На двенадцать километров протянулась она с запада на восток, на десять — с юга на север.

Как лучше подняться на Караби с южных ее склонов? Тут трудно советовать какой-то один-единственный путь. Можно из верховьев ущелья Хапхал выйти на плоскогорье тропой. Дорога, соединяющая село Генеральское с Белогорском, также выводит на яйлу. Тропы ведут на Караби из сел Приветное и Рыбачье. Одну из них мы и предлагаем как возможный вариант для начала маршрута.

Тропа начинается на окраине Рыбачьего, вьется вдоль русла Хуны, потом склонами Караби к одному из самых древних перевалов через Главную горную гряду — Чигенитра-Богаз. Неподалеку от него в южных обрывах яйлы расположена Туакская пещера. Ее

образуют три почти параллельные галереи общей длиной в 110 метров. Особенно красив второй, самый большой зал (высотой в 12—15 метров), обильно украшенный каскадными натеками.

Туакская пещера хорошо известна археологам. В разное время здесь найдены кости, керамика, орудия эпохи бронзы и раннего железа; обнаружены и следы средневековья. Специальных археологических раскопок в пещере не производилось, однако по аналогии с другими памятниками специалисты полагают, что некогда здесь находилось святилище.

Туакская пещера не единственная на Караби, этом своеобразном спелеологическом заповеднике; всего на яйле обнаружено 235 карстовых полостей.

Для осмотра некоторых из них нам предстоит двигаться от Туакской пещеры в северо-западном направлении.

Пейзажи плоскогорья с его карстовым рельефом — бороздами, гигантскими воронками, шахтами, котловинами — отличная, вполне готовая съемочная площадка для какого-нибудь фантастического фильма с местом действия, ну, скажем, на Луне. Когда долго бродишь по яйле, по этому застывшему каменному морю, и вдруг почувствуешь себя словно на другой планете. И захочется поскорей добраться до края плато и увидеть настоящее земное море, зеленые склоны гор, россыпи домиков, сады, дороги...

Итак, мы пересекаем Караби с юго-востока на северо-запад и в трех приблизительно километрах от Туакской пещеры в средней части плато выходим к шахте-леднику Большой Бузлук.

Приметен вход в шахту — большая карстовая воронка диаметром около двадцати метров. Тем, кто по-

бывает в галереях Большого Бузлука, запомнится надолго этот мир безмолвия, ледяной дворец, украшенный гигантскими сталактитами, застывшие водопады, прозрачно-голубоватый (тоже ледяной) «пол».

При желании можно осмотреть также Молодежную пещеру, расположенную неподалеку от Большого Бузлука, и Мамину — примерно в полутора километрах к северо-западу от него, на одном из безлесных отрогов хребта Кара-Тау. Хребет разрезан узкой щелью, через которую проходит дорога из Белогорска. По ней можно спуститься в село Генеральское.

Мы прошли и проехали не один десяток километров между Алуштой и Судакком. Путешествие можно продолжить. Советуем вам побывать в Междуречье и Громовке, пройти в глубь Капсихорской долины, побродить в верховьях балки Сотеры, где «растут» огромные каменные «грибы», а в ущелье Хапхал отыскать ту тропку, что ведет к развалинам монастыря Ай-Андрей.

Каждая из этих дорог, троп продолжит рассказ о богатой, цветущей земле, о древней и новой ее истории, обо всех грозах, что отгремели над этим краем, о сегодняшнем его дне, покойном, мирном, солнечном.

Верится, что, расставаясь с этой землей, вы скажете ей «до свидания». Потому что вернетесь. Не сможете не вернуться сюда, на побережье между Алуштой и Судакком, к его бухтам и пляжам, к его тишине и мягким краскам. К братским его могилам. К паркам, лесам, здравницам. К людям, которые преобразили этот край.

СОДЕРЖАНИЕ

О крае, который лежит перед нами	5
Первые километры пути	20
К водопаду Джур-Джур и дальше по ущелью Хапхал	30
Малореченское	35
В Канакской балке	40
От Канакской балки до Алушты	44
Скути—Ускут—Приветное	52
Берег героев	57
Там, где шумели леса	69
К новосветским бухтам	73
На Караби-яйлу	82

Сергеева Галина Сергеевна

АЛУШТА — СУДАК

Путеводитель

Заведующий редакцией туристской и краеведческой литературы П. И. Косяченко

Редактор А. С. Щеглова

Художник В. В. Купчинский

Фото Л. И. Яблонского

Художественный редактор И. Т. Литвинов

Технический редактор Н. Д. Крупская

Корректор Д. И. Заславская

Сдано в набор 20.X 1969 г. Подписано к печати 22.I 1970 г.
БЯ 02512. Бумага 70×108¹/₃₂. Объем: 2,75 физ. п. л., 3,85
усл. п. л., 3,53 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз. Заказ 234.
Цена 12 коп.

Издательство «Крым», Симферополь, Горького, 5.

Типография издательства «Таврида», Крымского обкома
КП Украины, Симферополь, проспект Кирова, 32/1.

ЧИТАЙТЕ О КРЫМЕ

- Крым. Путеводитель. Изд-во «Крым», 1969.
Дорогой тысячелетий. Очерки о древнем Крыме.
Изд-во «Крым», 1969.
- В. Ена. Открыватели земли крымской. Очерки об исследователях природы Крыма. Изд-во «Крым», 1969.
- В. Лебединский. Геологические экскурсии по Крыму. Изд-во «Крым», 1969.
- Е. Шамко. Партизанскими тропами. Путеводитель по местам боев крымских партизан в годы Великой Отечественной войны. Изд-во «Крым», 1969.
- Е. Криштоф. Алушта. Путеводитель. Изд-во «Крым», 1970.
- А. Полканов. Судак. Путеводитель. Изд-во «Крым», 1970.
- Н. Лесина. Планерское (Коктебель). Очерк-путеводитель. Изд-во «Крым», 1969.
- В. Балахонов. Феодосия. Очерк-путеводитель. Изд-во «Крым», 1970.
- В. Петров, Н. Новиков. От Алушты до Байдар. Путеводитель. Изд-во «Крым», 1969.
- Галерея Айвазовского. Путеводитель. Изд-во «Крым», 1968.

12 коп.

